

О «родоманых четвергах», попытках быть «нормальным» и о жизни с двумя женами одновременно

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1636>

2 сентября 2013

Собеседник

Родоман Борис Борисович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 2 сентября 2013 и опубликована 3 октября 2018.

Введение

Это десятая встреча географа Бориса Родомана с Юрием Самодуровым. Родоман верен парадоксальным умозаключениям и предельной четкости в изложении фактов. Философские и научные размышления сменяют истории о путешествиях и курьезах. Так, в 1963 году Родоман получил повышение в издательстве, но вскоре был вынужден уйти, потому что швырнул в коллегу бутылочкой с чернилами. «У меня в жизни было мало скандалов, а там произошел со мной большой скандал», — вспоминает Родоман. После этой истории он покинул издательство и с некоторым трудом устроился на географический факультет МГУ, где защитил диссертацию, открыв «золотое семилетие в своей карьере». В этот период ученый пишет свои основные работы, а также занимается модными в то время математическими методами в географии. Как всегда не обходится без путешествий, которые служили для Родомана, по его словам, питательной средой, в которой рос кристалл его научных знаний. Ученый рассказывает о том, как писал диссертацию за деньги, как бурно жил в своей квартире, оставшись один, и подходит к началу 1990-х годов, когда его жизнь в очередной раз изменилась.

Об источниках интеллектуального вдохновения

Юрий Вадимович Самодуров: Сегодня 2 сентября 2013 года.

Борис Борисович Родоман: Сегодня у нас с вами десятая встреча. Мы начали наши встречи в этом году, 31 марта была первая, и вот сегодня — десятая. Наверное, где-то мы на половине вашего пути. И поскольку она десятая, такой промежуточный юбилей, что ли, я бы хотел начать сегодня немножко с другого, с одного вопроса, а дальше просто мы продолжим хронологически. Я когда к вам шел, я подумал, что хорошо бы было вас спросить о том... вот оглядываясь назад, как бы вы... ну, скажите, вот какие... скажем так, какие-то ситуации в жизни, вообще... Ну, вообще, какие вопросы вот больше всего стимулировали ваш интеллектуальный интерес, вашу интеллектуальную активность, ну так, чтобы это выливалось в какие-то исследования, статьи и так далее. Вот из чего все это вытекало, ну, какой-то ряд, перечень, может быть, ситуаций, вопросов, который вас интеллектуально, грубо говоря, всю жизнь возбуждали. Вот подумайте.

Б. Р.: Я не вижу внешних источников возбуждения, они скорее внутренние. Это внутреннее развитие как эволюция моих занятий любимых... всё. Начнем с раннего с детства, незаметно, что я рисую, что я пишу, что я читаю, какие я делаю выписки из книг, какую книгу я беру в руки, что меня больше всего волнует... будь то какая-нибудь книжка о мифологии древних греков или будь то учебник какого-нибудь иностранного языка. Это немножко отражается на моих занятиях. И вот это все развивалось постепенно.

Ю. С.: Ну, постепенно-то постепенно...

Б. Р.: Ну, оно развивалось нормально. Сначала сфера моих интересов, сначала я стал заниматься вот этими вот формами районирования, то есть эти классификации. Мне было интересно, какие у них формы, способы какие, какие виды... Линнеевская такая работа. Потом какие-то модели окружающего пространства. Вот и все... Ну, а внешний мир...

Ю. С.: Нет, ну а внешний мир?..

Б. Р.: Внешний мир пищу давал, пищу. Вот у меня кристалл... мои занятия — это кристалл, который растет в богатой питательной среде, принимает форму очень разнообразную, растет, превращается в целое дерево, а из внешней среды поступают материалы, то есть я впитываю впечатления от внешнего мира, я впитываю впечатления от внешнего мира...

Ю. С.: Но ведь это же избирательное впитывание?

Б. Р.: Да, избирательное, конечно... совершенно верно...

Ю. С.: Что-то вас возбуждает, что-то волнует? Интеллектуально?

Б. Р.: Юра, как говорит лектор, это хороший вопрос – это антенна, то есть, мое дерево ветвистое, моих интересов, занятий, в то же время является антенной, которая улавливает информацию, впечатления от внешнего мира, на нем откладывается уже по его форме... этого дерева.

Ю. С.: Ну, вот ваша антенна... такое сканирование... на что вы вообще ее так вот... на что она была направлена?

Б. Р.: Она направлена больше всего на ландшафт, на окружающую среду, и как говорили обо мне шутливо мои друзья, что Родоман не замечает предметов мельче женщины, а длина женщины полтора метра, и вот предметы меньше полутора метров я как-то не замечаю, вот так, грубо говоря, а остальное меня волнует. Этот материальный мир, я его вкладываю в свои схемы. На мои схемы есть его отражения, как математика тоже отражает реальный мир, но гораздо более абстрактно. А у меня отражение мира в виде ареалов, сетей, линий, точек — все равно же сопряжено с конкретными зрительными представлениями о нашей Земле, о конкретных объектах, о городах, странах, о транспортной сети... Последнее играет тоже большую роль в моих представлениях.

Ю. С.: Но тогда получается, что основной источник такого вот интеллектуального, что ли, вашего возбуждения — это даже не книги, а скорее ну я не знаю, зрительные впечатления от путешествий...

Б. Р.: Совершенно верно, дорогой Юра, как опять как бы сказал лектор — хороший вопрос, вы меня хорошо поняли и именно так. Именно так, книги тоже... это лишь... книги никогда не действовали на меня целиком.

” Я никогда не был под влиянием никакого автора, никакой особо отдельной прочитанной книги. Я к книгам относился тоже так хищнически, я их поедал. Книга для меня — это было сырье, которое я употреблял по кусочкам.

Дело в том, что многие ученые считают, что процесс научной работы очень сходен с процессом поедания... ну, скажем, хищником. Поедая чье-то мясо, ты же разрушаешь его, но строишь из него свои структуры, и вот это бесконечное как бы разрушение без ущерба для разрушаемого объекта, конечно, вот... чтение. И чтение выборочное, это чтение напоминает исследование. Я не читал книги даже художественные настолько сплошь, как это принято у некоторых. Некоторые книги я просто читал урывками, я что-то такое из них... например, как я Мопассана читал в двенадцатилетнем возрасте. Я многократно читал...

Ю. С.: Как все...

Б. Р.: Да, ну я же его читал еще так... меня интересовали именно отдельные реалии. Я задумывался над тем, как там Париж, вот, скажем, в романе Мопассана «Милый друг» меня больше всего интересовала жизнь Парижа конца XIX века. Там паровой трамвай, пневматическая почта, там как люди одевались, как, что можно было понять из текста. Вот это меня очень интересовало, я представлял себе миры и государства, где люди живут таким же образом. Именно это меня больше всего... тоже и в художественной литературе я обращал внимание также и на орфографию, и на то, как это пишется. И как я уже сказал, что когда я читал в академическом издании любимую мною книгу «Дон Кихот», но уже в академическом издании, она отличалась от детской адаптированной — я был поражен количеством действующих лиц и я решил их записывать и систематизировать. Я на этом деле до конца не дошел, потому что передо мной стоял вопрос, как оценивать размер толпы. В общем, там он встретил какое-то количество каторжников, здесь не было сказано — сколько, я прикидывал примерно, ставил цифру. Ну, понятно, что это столкнулось с непреодолимыми трудностями. Так что я как исследователь хотел подойти ко всему.

” Я все-таки не исследователь, а конструктор, потому что я исследую только в той степени, чтобы получить элементы для каких-то конструкций.

Может быть, из окружающего мира я устроил свой мир, который я конструировал. И это непрерывный процесс, который не имел никаких кризисов, никаких разочарований, никаких поворотов, который исподволь начался в младенческом возрасте. То есть это продолжение освоения мира ребенком в детстве...

Ю. С.: Ну, а какие-то кардинальные книги вот все-таки... были или нет?

Б. Р.: Хорошо, значит, я давал интервью журналу «Знание — сила», там написано, что бы я изобразил на своем надгробии. Я, конечно, не хочу никакого надгробия, но я теоретически могу себе представить мое надгробие в виде куба, а это очень тяжелая вещь и дорогая. Куб — метр на метр на метр... Что бы я изобразил в его концах? Я изобразил бы на нем схему, основные процессы пространственной

дифференциации, которые у меня есть в моей монографии «Территориальные ареалы и сети», и я изобразил бы на нем схему — основные логические процессы районирования, которые тоже у меня опубликованы, и сборник... и эту картину поляризованной биосферы, вот три таких вещи...

Ю. С.: А у куба четыре стороны.

Б. Р.: Да, а на четвертой стороне, значит что-то... так мы можем сейчас взять это интервью, там все написано... значит, на четвертой стороне тоже... а наверху, видимо, было бы написано, кто здесь погребен.

Ю. С.: А на четвертой-то стороне что?

Б. Р.: А мы сейчас посмотрим... *(Ищет.)* Я вообще не любитель устных бесед... изложений. Я считаю, что устная речь для меня лично это несовершенный, даже в какой-то мере, жалкий способ изложения. Но вот меня к этому вынуждают... Вот журнал «Знание — сила», как он выглядит сейчас. В советское время в парикмахерской, когда ждали в очереди, то читали журналы «Наука и жизнь» и «Знание — сила». Они лежали на столике в парикмахерской.

Ю. С.: Да ну?

Б. Р.: На круглых столиках, в парикмахерской всегда был круглый стол, журнальный, на котором лежали журналы, газеты.

Ю. С.: «Огонек» лежал!

Б. Р.: Журнал «Знание — сила» и «Наука и жизнь» всегда лежал в парикмахерской, которая меня обслуживала...

Ю. С.: Ух ты!

Б. Р.: На проспекте Мира. Мне запомнились их тиражи, «Знание — сила» — пятьсот тысяч экземпляров, «Наука и жизнь» — два миллиона. Что мы имеем сейчас? Сейчас мы посмотрим как...

Ю. С.: Тысяч восемь...

Б. Р.: Не много ли? Не шесть ли? Так, сейчас... тираж, ага, девять тысяч, ну, ты прав. Ольга Балла — известный журналист, которая последнее время уделяла нам внимание, брала у меня интервью здесь в квартире, беседовали на высоте птичьего полета, в отличие от вас, мы сидели на кухне, и у нас не было никакого фотоаппарата, но зато мы пили вино, херес. Ну вот, что там в конце я им писал? Написал: «Четыре. Когда-то я придумал себе воображаемое надгробие в виде куба. На его боковых сторонах должны быть четыре рисунка. Первое — главные формы районирования, рассматриваемые как аналог классификации. Второе — простейшие операции (районирования). Третье — основные процессы пространственной дифференциации, эта схема, как и две предыдущие, не получила в научной литературе никакого отклика, хотя на ней основана вся моя так называемая теоретическая география. Четвертое — поляризованная биосфера, нарисована в 70-х годах специально для журнала „Знание — сила“, но своевременно в него не попала, опубликована в научном журнале. То есть сначала она мной самим рассматривалась не как научная концепция, а как какая-то утопия. Но она попала именно в научный журнал, а в журнал „Знание — сила“ она попала с опозданием на двадцать лет. А первый ее экземпляр, который туда поступил, вообще утерян». Ну вот. «На пятой, горизонтальной лицевой верхней грани куба вслед за именем усопшего и датами его жизни, надо изобразить контур Центральной России, моей настоящей малой родины, единственного региона, которым я занимался конкретно».

Ю. С.: Хорошо. Пожелание будет учтено.

Б. Р.: А теперь вот возьми.

Ю. С.: Спасибо.

Б. Р.: У меня есть несколько таких экземпляров.

Ю. С.: Спасибо большое.

Б. Р.: Раз ты меня так любишь, то возьми.

Ю. С.: Ну вот, смотрите... значит, наш подход с вами правильный, поскольку не было никаких таких, резких, что ли, переломов, хотя...

Б. Р.: Не было.

Ю. С.: Ну, идеи осеняют, и они были. Но, тем не менее, развитие, как вы говорите, шло, как-то постепенно и в основном за счет вот тех впечатлений, которые вы накапливали в своих поездках.

Б. Р.: Да, в основном, от путешествий, но это никогда не было отражением конкретного путешествия. Я почти не вел дневников, почти не вел записок...

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Конечно, у меня есть статьи об отдельных странах и районах, но это мелочи.

Ю. С.: Понятно, значит, все-таки наш подход сложился правильный... мы очень, ну, скажем так, очень небыстро... Вот я говорю, что сегодня десятая встреча... идем по вашей жизни, в том числе по вашим путешествиям... и ваш рассказ идет. Ну, давайте его продолжим.

Работа в «Географгизе»

Б. Р.: Ну вот, мы остановились на моменте, когда я из аспирантуры, не защитив диссертации, опять вернулся в «Географгиз», где меня очень ценили.

Ю. С.: Да. И это был какой год, еще раз?

Б. Р.: Это был год 62-й... И что же я имел к этому времени? К 62-му году у меня публикаций-то было научных не больше двух-трех. Вот только та первая статья, которая в этом же издательстве, еще там в «Философских вопросах естествознания». И это, пожалуй, все. Но в 64-м году, уже во время моей работы в издательстве, у меня произошел эпохальный доклад. Я сделал доклад, для меня эпохальный, в Институте географии, по линии Географического общества. Тогда Географическое общество играло большую роль в моей жизни. Это была та трибуна, та аудитория, в которой я в первую очередь излагал свои новые идеи, потом уже готовилась статья для публикации. И там у меня были благодарные слушатели, там, конечно, была наибольшая свобода. И как ни парадоксально, сейчас я с Географическим обществом никаких связей не поддерживаю, я не знаю, чем оно сейчас занимается, и, откровенно говоря, даже знать этого не хочу.

Ю. С.: А что там была за аудитория?

Б. Р.: Значит, там было очень много отделений и комиссий. У нас была своя комиссия — семинар по новым методам исследования Отделения экономической географии... маленький семинар, но кого там только не было. Туда приглашались люди со стороны, философы и Георгий Щедровицкий тоже там у нас бывал... и были яркие люди. И были они и слушателями, тоже и моих докладов в том числе. К тому времени это у меня был уже четвертый доклад в географическом обществе. Но в данном случае... Общество занимало сначала скромное помещение в Зоомузее, в начале улицы Герцена, помещение МГУ, но оно, как всегда, пользовалось любой возможностью провести заседание в другом месте, где было больше простора помещения. И в данном случае это заседание происходило в Институте географии, и там произошло, как бы... Вот доклад назывался «Логические формы районирования», то есть это развитие моих идей курсовой работы четвертого курса и дипломной работы пятого курса. И тут, собственно, очень солидные люди слушали меня, и это было, так сказать, триумфально... они мне сказали, что, конечно, этим надо заниматься, это надо издать, это надо опубликовать, об этом надо написать книгу и на эту тему надо

защитить диссертацию. То есть, собственно говоря, я и пытался сделать в дальнейшем. И там была провозглашена новая наука, которую я назвал районистикой, от слова район, потому что мы занимались районированием как логической операцией. Что теперь можно сказать об этом термине? Дело в том, что в результате...

Ю. С.: Какой-то он сельскохозяйственный.

Б. Р.: В результате... в ходе изолированного развития СССР, его изоляции от мировой культуры, у нас устоялись термины, специфические для нашей советской культуры и неперебиваемые на иностранные языки, потому что, когда ты слово «район» переводишь на иностранный язык, там получается region, то есть «регион». Когда обратный перевод, это уже будет не районистика, а регионалистика. А регионалистика, слава богу, это в наши дни уже очень развитое направление. Это изучение регионов, часть экономики — по мнению экономистов, и часть географии — это совершенно другое.

Ю. С.: Ну да.

Б. Р.: Поэтому при переводе моих статей на английский язык, там все получалось region, и они по недоразумению потом попадали в сборники, которые, собственно, не имели отношения к моей теме, но зато они были опубликованы. Вот моя статья на эту тему, когда она все-таки у меня вышла, она была посвящена математическим методам в районистике, но пошла она... попала в какую-то струю и была переиздана не только в Соединенных Штатах, а также в Греции, Индии и Польше на английском языке... в сборниках, посвященных математическим методам. То есть она попала в струю, благодаря слову region, регионалистика. Ну, короче говоря, тогда я, работая в издательстве, я не забывал, что я ученый, и меня все так воспринимали. Кроме того, я был, что интересно, я был ученым секретарем редколлегии в «Вопросах географии» некоторое время. Но это уже скорее относится к разряду смешных историй.

Мне полагалось дежурить в помещении Географического общества вечером два часа, изредка, какие-то дни, раз в неделю, что ли... В качестве ученого секретаря редколлегии. Это продолжалось несколько лет, я дежурил. И за это время ко мне подошла только одна дама с какими-то вопросами. Я немедленно отослал ее к кому-то другому, так как я эти вопросы решить не мог. Вот и все. Потом мое имя оттуда было убрано, видимо, само собой...

Ю. С.: А какие-то еще функции были?

Б. Р.: Нет. Я должен... я не знаю, что я должен был там делать, ну, короче говоря...

Популяризация эсперанто

Ю. С.: Ну, хорошо... номера составлять?

Б. Р.: Нет... ничего я этого не делал, это без меня делали. Дальше, интересно из моих проделок. Дело в том, что в 57-м году в нашей стране был вновь разрешен международный язык — эсперанто. Раньше он был совершенно под полузапретом, причем интересно, что о нем в цензурных инструкциях, в перечне для цензора о нем ни слова не было, все только устно... там еще были устные директивы. Потом устно было разрешено. Всемирный фестиваль молодежи и студентов, 57-й год. Насчет эсперанто издали жалкую брошюру. Я, конечно, быстро познакомился с этим языком, я стал ярким сторонником языка эсперанто, я сделал о нем доклад в издательстве, у меня есть афиша, нарисованная мной от руки, я прочитал целую лекцию о языке эсперанто.

Ю. С.: А кто-то пришел?

Б. Р.: А это было в рабочее время, для работников нашего издательства, все пришли.

Ю. С.: Да?

Б. Р.: Конечно. Все, у нас был маленький коллектив, редакторы помещались в одной комнате, но было

еще штук восемь других комнат, где сидели другие службы. Но редакторы, по крайней мере, все присутствовали... человек двадцать их было... конечно, это было все принято хорошо, на ура. Идея же очень простая — международный язык, который включает в себе в данном случае только шестнадцать правил, включал алфавит, и каждый человек, имея десять тысяч корней, заданных Заменгофом, его комиссия, может любое количество слов сочинять по правилам и слова сам сочиняешь. Если каждый человек в мире будет знать два языка — родной и эсперанто... ну, в общем, такая идея. Ну, понятно, что это крайне не выгодно англосаксонским странам, не выгодно это СССР, в данный момент, хотя в 20-х годах, наоборот, считалось, что эсперанто — это язык будущего пролетариата, а Гитлер его, наоборот, считал языком сионизма... конечно, в общем. Ну, и так далее... в общем, и Гитлер, и Сталин — они объединились в ликвидации вот этого дела — языка эсперанто. Но он стал слабо оживать. У меня оказался мощный союзник — мой научный руководитель по аспирантуре — Давид Львович Арманд оказался тоже ярим эсперантистом. И когда его хоронили, у него на похоронах эсперантистов было больше, чем географов, и они считали, что его основная отрасль деятельности — это эсперанто. А то, что он географ, ну, это так... какая-то, в общем, неприятная мелочь в его жизни, на которую вполне можно не обращать внимания. Географы, наоборот, думали прямо наоборот, что эсперанто — это его причуда — ну, с кем не бывает, а он, в основном, географ. Это яркий пример того, что яркую личность люди оценить не могут, они ценят только в рамках своих узких шор, но тем не менее, значит, я бы... Так к чему я это все говорю?

” Я с ведома руководства Географического общества, то есть [его] людей, решил давать резюме ко всем сборникам «Вопросов географии» на языке эсперанто. И я это провернул.

Не на английском языке, как сейчас бы давали, а тогда еще английский язык... все-таки не все думали, что английский язык станет международным, считали, что может быть не совсем так... Вот сейчас — ясное дело, победил английский язык, видимо, бесповоротно. Кто скажет — бесповоротно или нет? Конечно, мы с Армандом очень сожалели по этому поводу, но ничего не поделаешь. Мы потерпели поражение, многие разумные идеи потерпели крах и в области охраны природы, и в области международного языка. Здесь мы, конечно, были побеждены английским языком, потому что господство английского языка означает, что всякий, для кого он родной, это человек первого сорта, а всякий, для кого он не родной, это человек, обреченный всегда быть человеком второго сорта. Подняться ему до первого сорта удастся крайне редко. Но тем не менее эсперанто был очень удобен прежде всего для Китая, для него это был способ приобщиться к европейским языкам...

Ю. С.: Ну, там был... как-то востребован?

Б. Р.: Да, был востребован очень. Но в Китае тоже все меняется, власть меняется, одно время было... В СССР он тоже был востребован. У моего отца есть записная книжка, в которой хранится запись о моем рождении. Там в приложении есть это правило эсперанто, потому что тогда это было настольной... Мало ли что было... В 35-м было одно, а в 37-м совсем другое.

” Достаточно одного — двух лет в нашей стране, чтобы полностью забыть то, чем увлекался весь народ и то, что было главным всего лишь два или три года назад. Именно так у нас развивалась страна в послереволюционные годы, как все у нас быстро менялось.

Сейчас многие даже представить себе не могут, какие у нас были обычаи, уже забыли, что у нас были пятидневные рабочие недели, каждый пятый день был выходным и так далее. Все уже это как далекая история, все быстро менялось. Или что новогодние елки были запрещены. А потом они, наоборот, стали всем навязывать. За обручальное кольцо можно было быть исключенным из комсомола, а потом,

наоборот, они навязывались всем, и прошло совсем немного времени. Наша страна тоже очень менялась. Вот тоже произошло и с эсперанто. Ну, вернемся, я очень далеко отвлекся. Это оглавление на языке эсперанто держалось несколько лет. А оказывается, по недосмотру Главлита — цензор думал, что это испанский язык. Но он же не вникал глубоко. Эсперанто язык все же романского происхождения, но когда поняли, то прикрыли это дело...

Поездка в Хибины

Значит, что мне удалось? Как я уже сказал — мало что мне удалось сделать такого прогрессивного. Но я уже говорил, что в книге о странах Балтии я убирал везде такие слова, как «Эстонская ССР», и старался поменьше вот этого... советской власти и всего. Но не думаю, что мне там за это кто-то скажет спасибо и что кто-то помнит, потому что то поколение людей уже умерло, а нынешнему — вообще на нас наплевать, и эти книги, которые были изданы об этих странах в советское время, они там наверняка всеми презираются. Ну, вот... были такие мелочи. Вот, у нас, значит, прошел 64-й год. Летом этого года я посетил Хибины... Второй раз прошелся по тем местам, где я когда-то ходил в молодости...

Ю. С.: Опять один?

Б. Р.: Я поехал один, а там я нашел знакомых. Я приехал на станцию географическую в Юкспорйок, там я нашел географов, они меня приняли в свою компанию, то есть я заплатил за питание. Ходил с ними в маршруты с кем-нибудь. Я часто так примазывался, приезжал в экспедицию за свой счет, за свои деньги, ходил с людьми в маршруты. И один я ходил. Я как-то вышел один, пошел на восток, совершил двухсуточный поход, потому что день-то... ночь светлая... Я обогнул южную часть Хибин, к геологам потом попал. Я вышел утром, прошел днем, я перекусывал куском черного хлеба с тресковой печенью, запивал его холодной водой из ручья. Но вы можете себе представить, как запивать тресковую печень ледяной водой из ручья. А дело в том, что тогда в магазинах ничего не было, кроме какого-нибудь персикового сока с мякотью и тресковой печени. Иногда еще и крабы бывали настоящие. Вот особенность глуши в сельских магазинах: нет ничего, кроме тресковой печени.

Ю. С.: Вот этот ваш двухсуточный поход — что, он практически непрерывный?

Б. Р.: Да, конечно, ну и что же. Я и сейчас... не сейчас, лет пять назад мог бы так. Ну, солнце, светло — я иду. Я уже дошел до восточного края Хибин, они же маленькие, заворачиваю на юг, я их огибаю... вот, лагерь геологов. Ну, там, никто не возражает, меня сразу же приняли туда и дали мне самую большую в моей жизни миску супа, целый литр, там была тушенка, конечно.

” Я съел эту миску — самую большую в моей жизни — как сейчас помню... целый литр супа с хлебом!

Съел все, поблагодарил и пошел дальше и к утру уже следующего дня я пришел в свое... где лег спать. Шел я по старой железнодорожной ветке, ее же тянули туда... У нас много железных дорог через тундру тянули, но не достроили. Она проваливалась там мерзлотой, все, ну, самая большая такая ветка, она была к востоку от Салехарда, а тут была небольшая...

Ю. С.: А эта дорога к востоку от Салехарда... кажется, ее сейчас восстанавливают?

Б. Р.: Возможно, просто строят железную дорогу... трудно сказать — восстанавливают про такую стройку...

Ю. С.: Ну да.

Скандальная история в «Географгизе»

Б. Р.: Но строить на таком месте, конечно, можно, да. Ну вот, значит, 64-й год прошел. Так вот, значит, 64-й год. А с 1 января 63-го года у нас случилось событие такое — наш «Географгиз» был ликвидирован. До 63-го года существовал «Географгиз», дальше нас объединили с «Соцэкгиз» и «ВПШиАОН» – Высшая партийная школа и Академия общественных наук.

Ю. С.: Жалко, потому что вот у меня дома книжная полка — это все «Географгиз».

Б. Р.: Да, да, да, сейчас о нем уже забыли. Ну, как говорится, когда сдаешься на милость победителя, то победитель тебе гарантирует, как всегда, некоторые права, он обещает, что тебя... Вот как я сейчас на работу тоже прихожу, обещают, что тебе сохранят прежнюю. И нам было обещано, что не волнуйтесь, вместо «Географгиза» будет все то же, все те же люди будут называться главной редакцией географической литературы. Можно было подумать: а что есть еще не главная редакция географической литературы?

Ю. С.: Ну да...

Б. Р.: Нет, это у них такое административное деление издательства, оно делится на главные редакции, это такие свехотделы, а уж главная редакция делится на какие-то отделы. И вот наш весь «Географгиз» во главе с главным редактором Юсовым влился, оставаясь на своем месте, оставаясь в том же Доме книги и в тех же комнатах. И только наш добрый директор Бурлака был отправлен, естественно, на пенсию. Все это было сделано, чтобы дать место службы крупному функционеру — бывшему первому секретарю Грозненского обкома Порываеву. После того, как реабилитировали чеченцев, их вернули в Чечню, а его надо было куда-то деть. И вот его взяли в Москву, и он стал, как я уже говорил, командовать нами. У него был персональный санузел, персональный лифт, он не снисходил до разговоров с отдельными редакторами, хотя мне с ним приходилось разговаривать раза два, но не наедине, а, естественно, в присутствии начальства. И эта его фаворитка Люси, которая Люся Рогова, которая вовлекла меня в художественную самодеятельность. Вроде как я плясал в художественной самодеятельности с ножом в зубах, но это мне не помогло там удержаться, потому что со мной там случилась некая история... скандальная. В моей жизни было мало скандалов, а там произошел со мной большой скандал. Скандал начался с того, что с 1 января 63-го года мы были уже издательством «Мысль» и как шутили наши остряки, «мы слились, мы слились». И у нас было еще и помещение в Высшей партийной школе на Миусской площади. Поскольку пока они вошли в наше издательство, мы имели право распоряжаться этим помещением, и, теоретически, кто-то из нас мог и там сидеть работать. И вот зимой 63-го — 64-го года возникла идея как бы в осуществление давней мечты Баранского — издать наконец очень солидное, очень многотомное географическое описание СССР. Была до этого «Синяя серия», но она называлась «Экономгеографическая характеристика», а теперь надо сделать красиво, надо сделать популярно, чтобы это была не экономическая география, а вообще, география общая.

Ю. С.: Да, по республикам...

Б. Р.: Ну, видишь ли, Юра, конечно, только по республикам, никакого деления нашей страны, кроме административного, мы не мыслим. У нас сейчас так же страна устроена, и тогда тоже... По республикам, конечно. Но физико-географические характеристики там были и, конечно, там должны быть цветные кадры. И вот кого же посадить в качестве главного специалиста на это многотомное издание? Как вы думаете — кого? Меня. Не в качестве главного редактора, который будет за все отвечать, а в качестве просто редактора, который этим всем будет... работать, работать будет. Для этого были учреждены новые ставки. Получали мы, если ты помнишь, что такое брежневские рубли... у всех зарплата трудящихся была очень однообразна. У нас всё... 120, 120, 120 рублей... ну, это так... просто редактор, а старший редактор — 130. Я уже был к тому времени старшим редактором — поэтому 130. Но тут были введены новые должности: старший научный редактор. И тут были введены три ставки: одна — 160, одна — 180 и одна — 200. И вот ту, которую 200, дали мне.

Ю. С.: Ух ты...

Б. Р.: Ты знаешь, что такое 200 рублей в брежневские времена...

Ю. С.: Это больше, чем кандидатская.

Б. Р.: Да, это я со 130 сразу на 200... И сидеть, значит, редактировать. Но я вообще скептик, я прекрасно понимал — эти мои товарищи, они окончили мой геофак в прошлом году (*Оговорка. Окончили в 1955 г. и раньше.*), я им говорю, что зачем нам это, стал их просто умолять — давайте поделим... каждому по 180. Они говорят: нет. Вот начальство уперлось: нет, нет. Вам — 200, им — 180... ему — 180, ему — 160... и все, вот. Но это мне очень не понравилось, на что мне эти 20 рублей, я знал, к чему это все приведет. И вот дальше нам отводят роскошное помещение в бывшей Высшей партийной школе на Миусской площади. Мы сидим в хорошей комнате, где уже не много людей, а только члены нашей редакции: я, Роман Митин и некая Катя, которая только что пришла к нам из какого-то института, где у нее была любовь с директором и она родила от этого директора ребенка, после чего ее из института выкинули, вот, и она является тоже одним из материалов в моей знаменитой брошюре «Шеф и его подруга». Катя появилась, Роман Митин и еще одна девушка постарше, даже годом старше меня, которая тоже ко мне очень тепло относилась, нашего издательства. И вот мы сидим там такой милой семьей...

” Сидим, у каждого у нас на столе городской телефон — у каждого. Мы от нечего делать звоним друг другу, но расстояние между нами — метра два или три. У каждого свой городской телефон без коммутатора...

Ю. С.: Ух ты.

Б. Р.: С отдельным номером. Тут рядом прекрасная столовая, где можно все кушать очень вкусно, и свежие вещи на партийном уровне, а также буфет, где манговый сок... в общем, редко в то время... Правда, дорогой — 33 копейки стакан. Ну, ходили туда манговый сок пить. Сидим, значит, мы счастливые. Ну, ребята, конечно, говорят мне, примерно так... Я им говорил, что я не обязан писать за автора, я им говорю, что авторы там слабые, это же коллективный труд, десятки авторов в этой книге. А мне мои коллеги говорят: «Писать за авторов ты не обязан, но за 200 рублей в месяц можно и пописать». Значит, начинаются уже такие вот разговоры. Но мой однокурсник Витя Тихомиров, впоследствии помешавшийся и побывавший в психиатрической больнице, тоже говорил: «Ну, ребята, теперь мы хорошо живем, теперь... — (Он получал 160 рублей.) — Теперь, говорит, мы, если кто у кого займы возьмет рубль, можно не отдавать». Я тоже обрадовался, поехал в гости к своей очаровательной семнадцатилетней сестре двоюродной, которая у меня объявилась в Брянске, привез ей гостинцы, я считал, что это самая красивая девушка на свете и то, что это моя двоюродная сестра... Мне это все, конечно, было приятно. В общем, я ожил, а тут наступает весна. Ну, тут сидит недалеко со мной эта Катя.

” Нужно сказать, что я человек влюбчивый, я, можно сказать, в каждую девушку постепенно начинаю влюбляться, но обстоятельства, как правило, это дело гасят... Гасят обстоятельства, а бывает, что обстоятельства этого не погасили, тогда это может разрастаться уже в довольно серьезное увлечение.

И здесь это только в зачаточном состоянии, то есть такое вот зачаточное состояние — положил накого-то глаз, оно, так сказать, почти всегда бывает в каждой группе, и в учебной группе и в туристском походе. И Катя ко мне тоже относится тепло. А я тем временем уже планирую походы на лето, у меня задумана уже поездка на север... (Она осуществилась — в Карелию, за полярный круг, всё, денег больше будет.) А напротив сидит Роман Митин, такой очень добродушный парень старше меня, 29-го года, но очень наивный или кондовый. Такой, конечно, коммунист по своим воззрениям, член партии. Он мне даже говорил, как же вы могли уважать вашего учителя Баранского, если у него было пять жен — это же разврат и вообще все в таком вот духе. Но он что-то стал чего-то говорить, мне стал шуточки какие-то... Он сидел

напротив меня... Говорит: ты что, Боря... Борис, ты что же... он называл меня... как-то иначе, а у меня было прозвище — дебардакер или дебаркадер, в общем, что-то такое. Так вот он мне говорит, что ты там, Борис, променял Катю на Валю или еще что-то такое. Я ему говорю: «Роман, если ты сию же минуту не перестанешь употреблять имя Кати, то вот видишь вот эту бутылку с чернилами, я в тебя ее сейчас кину». Он не перестал употреблять, и я кинул...

Ю. С.: Как Обама — раз сказал, надо сделать.

Б. Р.: Вот именно. Значит, теперь мы вернемся к технике письма той эпохи. Значит, тогда писали поршневыми ручками, которые наполнялись чернилами из бутылочек.

Ю. С.: Да, я помню.

Б. Р.: Это не чернильница в старом смысле слова, в которую макали перо, но в воспоминаниях обо мне говорят, что я кидался чернильницей... это так, упрощенно, в общем, это была бутылочка с чернилами... Он сидел напротив, на том конце комнаты. Катя тоже тут была, все были на месте. А только что помещение перед вселением нас туда — претерпело ремонт, оно же было отремонтировано.

” И вот стена, выкрашенная в бежевый цвет или палевый светлый... кидал я, конечно, не в лицо... разбилось это в метре от него... шикарно разбилось об стенку, образовалась гигантская клякса шириной в полметра!

Тут все вскочили со своих мест, схватили тряпки и начали все это замывать, в общем, чтобы всё... Никто ничего никому упрека не сказал, все дружно замывают... Замыли, что же, осталось пятно все равно, только не черное, не синее, другого цвета... другого, но осталось, большое пятно. Ну, дальше наступило такое смущение. Никто ничего не говорил, в общем, что тут скажешь. Не знаю, как мы досидели до конца рабочего дня. А на следующий день я записал в книге — работа дома. А сам я отправился на Киевский вокзал изучать расписание поездов, видимо, мне нужно было в Брянск ехать, я не знаю, или вообще зачем-то. Я целый день отсутствовал, возвращаюсь домой — мама взволнована, говорит, к тебе прибегала какая-то девушка. Я понял, что это Катя, она прибегала ко мне домой, чтобы сказать, что там дело плохо. На следующий день я прихожу на работу в здание ВПШ, меня встречает вахтер, говорит: «Вас пускать не велено». Тут же стоят приехавшие сюда уже с Ленинского проспекта, приехавшие — главный редактор Юсов и еще кто-то там. Вот, говорят, Борис Борисович, вот едем на Ленинский проспект.

Ю. С.: Кто же настучал-то?

Б. Р.: А, они же и настучали.

Ю. С.: Ну кто — они?

Б. Р.: Ну, также у нас люди устроены, они твои лучшие друзья, они на тебя же и настучат.

Ю. С.: Ну, так должны же быть...

Б. Р.: А, дело было так. Значит, пришла уборщица вечером, как всегда. Каждый день вечером уборщица приходила.

Ю. С.: Ну, да.

Б. Р.: Вот они еще там были, она спросила, ей все рассказали.

Ю. С.: Ну, то есть а она — дальше...

Б. Р.: Да, дальше быстро дошло до ректора дошло ВПШ... В его помещении же это было. Ректор звонит нашему директору, ну в течение дня, а я же, вообще, отсутствовал... я гулял. Значит, ректор — директору,

и так далее, значит, в общем... что-то такое, что у вас тут за люди, что это вообще... Это ректор ВПШ звонит директору, и ректору пришла эта... <нрзб> номенклатурная личность, и директор, тоже, высокономенклатурная личность, которая раньше, конечно, о моем существовании не знала. Ну вот и все, едемте на Ленинский проспект. Ну, там всё, сказали: «Борис Борисович, вот у вас столько прогулов, столько всего, вот что, увольняйтесь по собственному желанию». Тут юрист сидит, подтверждает, что так вот... Ну, я что-то так замялся, не знаю, но почему-то тут кто-то сказал от профкома, что есть выход, что профсоюз может возражать, надо чтобы сначала выслушать товарища. И надо мной устроили показательный суд. Это напоминает мне кинофильм...

Ю. С.: Это было прямо в этой ситуации или это было?..

Б. Р.: В этой ситуации было через несколько дней или недель.

Ю. С.: А, через несколько дней... отдельно, да.

Б. Р.: Это было, ну, допустим... я, по-моему, уже после этого успел в Брянск съездить. Ну, в общем, короче говоря, это произошло в ближайшие несколько дней или недель. Мне туда уже... туда уже не пускали, в ВПШ, меня посадили в кресло, в свое, в котором я раньше сидел и вот там прошло это собрание профсоюзное, я же не член партии. И тут меня все мои коллеги, так сказать, в общем, журили... Очень интересное судилище было. У меня со всеми были приятные отношения, они как-то участвовали в моих хохмах, они смеялись, женское молоко распивал, все острили по этому поводу. У меня не было явных врагов, но, может быть, моим врагом был однокурсник Коля Чижов, но тоже его не назовешь врагом, с ним у меня были кое-какие конфликты. Ну, Недосекин... у нас там был скандал из-за дохлых кошек. Дело в том, что у нас в издательстве еще водилась кошка, которая обслуживала несколько издательств (это в Доме книги на Ленинском проспекте). Эта кошка была очень плодовита, и она опять котят родила. Родила она и спрятала в письменный стол, но эта кошка — канцелярская, в ящике письменного стола она хранила своих котят. А потом этих котят достали и утопили с разрешения кого-то. Я поднял скандал, что этих котят утопили, но потом меня, даже в стенгазете обо мне писал мой однокурсник Недосекин, что бывают разные хулиганы, Родоман — это словесный хулиган. И стихотворение написал (*я. — Здесь и далее — примеч. Б.Р.*) о том, что вот есть Женя Лаврентьева, которая, в общем-то, ко мне тепло относилась, может быть, даже была в меня влюблена некоторое время, но она кошку ногой пинала... и все это, в общем, был кошачий скандал. И все это тут мне припомнили. И тут мои коллеги... и вот мне больше всего напомнило какой-то киножурнал, когда я смотрел приложение к художественному фильму — киножурнал, как в коммунистическом Китае происходит суд над помещиком. Помещиком там считался тот, кто владел, может быть, больше одного гектара земли, где-то там, в юго-восточных районах. И вот вокруг него собирается толпа трудящихся, ему кричат: «Ты — эксплуататор, ты — кровопийца, ты пил нашу кровь». И наконец помещик не выдерживает и начинает плакать, он сидит и плачет, тогда они говорят, что, в общем, его отчасти они прощают и принимают его в колхоз в качестве рядового члена. Вот то же проделали со мной, и меня довели до того, что я тоже чуть не плакал публично, потому что на нервы действует. У меня голос стал таким неестественно слабым. Это было раз в жизни со мной. Ну, я ни на кого зла не держу. И вот Тихомиров говорит: Родоман, ведь он ни на кого не обращает внимания, ему же на всех плевать, ему на всех плевать, он что хочет, то и делает, мы для него... Это говорил мой, так сказать, приятель, однокурсник — Витя Тихомиров. Он это говорил: «Я не могу... Мы для него почва, удобрение, он растет на нас, на нашей почве, я не могу, не хочу быть для него прахом». Другая говорит: «Вот он — хорош, всем хорош, но когда он клацает ножницами, он берет эти ножницы и клацает, клацает... я не могу!» Ну и так далее. В общем, все высказались, все, никто [не промолчал]. Ну, и после этого было сказано, я раскаялся, конечно, было сказано, решено было, не в результате собрания, но, может, потом, да, не в этот же день, но чуть позже... Приговор окончательный был такой: в издательстве оставить, перевести на должность простого редактора, уже не старшего, 120 рублей, редактировать путеводитель по Московской области. Вот так. И после всего этого я немедленно отправился в отпуск и провернул блестящее путешествие по нашему Северу... Карелия, Топозеро, жизнь на необитаемом острове, пересечение Полярного круга, а потом село Кереть «увидеть Кереть»... (*и умереть» — наша пословица*).

Ю. С.: Один?

Б. Р.: Нет. Нас была группа — пять человек. В одной группе одна из девушек была та, с которой я встречался в данный момент, а другая — та, с которой мне предстояло встречаться уже в следующем году. Ну вот, значит, у меня была блестящая поездка на Север. И в Архангельске... нет, в Архангельске то мы не были... мы были в селе Кереть, ну, в общем, было замечательно все.

Работа на геофаке МГУ. Диссертация

Ну, вернулся я в издательство, уже август, начинаю вяло редактировать, в общем-то, хорошая моя тема, приятная — это Подмосковье, авторы несолидные, в общем, путеводили. Тем временем зашевелились на геофаке МГУ, ведь место, на котором я всю жизнь хотел работать, — это же только два. Первое место — это наша же родная кафедра на геофаке МГУ... уж кого же она не оставляла из выпускников, но меня ж туда не взяли. И второе — это Институт географии Академии наук. И тут, и там уже кое на кого уже говорят, уже нажимают... ну как же так, Родоман и так далее. И там кое-кто говорит: да, конечно... надо бы... надо бы, значит, вот. Ну, почему меня не берет на работу заведующий кафедрой нашей же, хотя бы Юлиан Глебович Саушкин? Ну, трудно сказать, пока не брал, а тут вдруг взял. И вот осенью там новые веяния, экономическая география — она все занимается производством, но кроме производства есть же и потребление, а этим никто раньше не занимался. А производством-то занимаются люди, а эти люди — они что-то кушают, им надо отдыхать и у них личная жизнь есть. А это все — подведомственно ли географии? Решили, что да — подведомственно. Надо заниматься непроизводственной сферой — отдых, туризм. Только тогда к этому пришли, в бб-м году. А там была задумана монография, псевдомонография — выполнение планов в лаборатории районирования. Возникла в рамках кафедры «Экономическая география СССР», нет, это не то дело, которым я занимался, но все-таки это называется районирование. Татьяна Михайловна Калашникова, почти что старая большевичка, жена генерала, но ультра такая вроде коммунистическая, но в то же время она яркая ученица Николая Николаевича Колосовского, тихого такого профессора, который от репрессий тоже уцелел и который в рамках плановой экономики высказывал очень много гениальных идей. Она была его яркая ученица. И вот надо они решили формировать такую монографию, которая называлась «Территориальная организация производительных сил». И каждый будет там свое писать. Крючков — о сельском хозяйстве, Ковалев — о населении, а кто же будет писать об отдыхе, о туризме? Вот приходит моя бывшая возлюбленная Юлия Ласис, ей Калашникова предлагает этим заняться. Она говорит, что «Татьяна Михайловна, я для этого не подхожу, возьмите лучше Родомана». Она [Калашникова] говорит: «Родомана? А кто это такой? Я, признаться, слышала много раз эту фамилию, но толком не знаю». Юля говорит: «Это тот человек, который вам нужен». Это же большое значение имеет [когда так решительно внушают]. Ну вот, и меня приглашают на родную кафедру, то есть туда, куда я и хотел попасть. И я подаю заявление об увольнении по собственному желанию, в августе. Перехожу на работу туда, куда и хотел перейти, на родную кафедру.

” Ну, и что воскликнул наш вечно трусливый, но в общем-то, добрый человек это заведующий редакцией Юсов. Он воскликнул: «Кто же поедет в колхоз?» У них я уже в списках числился!

Я, как вы знаете, был в колхозе самый первый раз, когда еще не успел приступить к работе в «Географгизе». И меня же после этого понижения в должности должны были отправить опять от издательства в колхоз в конце августа — начале сентября, но я от этого ускользнул. И я перебрался туда, куда...

Ю. С.: И сколько вам на кафедре положили?

Б. Р.: О, положили мне мало, вначале я был только старшим инженером, дальше не тянул даже на младшего научного сотрудника, но сказали, вот защитите диссертацию. И вот я там что же стал писать? Я стал писать...

Ю. С.: Так сколько положили старшему инженеру?

Б. Р.: Но я же не помню тех уже денег, потому что меня...

Ю. С.: Ну, старший инженер... ну, максимум, 120.

Б. Р.: Да, ну не 880... (не 88 – с 1961 г.)

Ю. С.: А может и меньше.

Б. Р.: Может и меньше, да. Ну, в общем, с мамой мы жили бедно, отец к тому времени давно уже умер. Мы жили страшно бедно. Я часто занимал, брал деньги взаймы, и уже у всех профессоров. Сейчас я ни у кого не беру. Я питался в студенческой столовой, не в преподавательской. Ну, не могу сказать, что я экономил, в том смысле, что, покупая товар, смотрел цену, нет, такого у меня никогда в жизни не было... У меня же для поездок на Север у меня были деньги, они же накопились от хорошей зарплаты... там, в «Мысли», а здесь — уже бедно, да... Я ходил в МГУ далеко не каждый день на работу, а ходил по вторникам и пятницам. По вторникам у нас было заседание кафедры, я с удовольствием на нем присутствовал, там и аспирантки присутствовали, всё.

Впоследствии я завел зеркало, чтобы смотреть на аспиранток, которые сидят в заднем ряду, потому что я сидел в переднем ряду.

И одна из этих девушек — Оля Чумакова — она впоследствии меня устроила еще и на работу в одно из тех учреждений, где мне довелось работать в конце жизни. Именно благодаря этому зеркалу, потому что я ее заметил, потом с ней познакомился, пригласил на прогулку, но это произошло уже гораздо позже. Ну, а вот тут, значит, мне... Защищать я диссертацию собираюсь на тему своей курсовой и дипломной, то есть на эту тему «О районировании как методе классификации», которая никому не нужна... нашей кафедре тем более. Она не нужна и по существу, но я, так сказать, у меня репутация ученого и все, и всем это приятно, и всем это нравится, что я буду защищаться на какую-то очень заумную тему, которая никому не понятна. Но вот репутация такая, и кандидатом мне нужно становиться, потому что я уже очень даже немолодой. И я пишу два раздела в этой монографии «Территориальная организация производительных сил». Первый раздел — это размещение обслуживания в городах. Это, значит, где размещать торговые центры и все это такое... Все из головы написал. Правда, прочитал в реферативном в журнале несколько статей, как это на Западе, какие там есть торговые центры и все. У меня была идея такая: совмещения с транспортными потоками: чем крупнее транспортный поток, тем разнообразнее торговля. Значит, к какому мы пришли выводу. Мой коллега Каганский это подтвердил, что когда в нашей стране наступил капитализм, то по моей схеме, которую я предлагал для социализма, конечно, так они, торговые точки, и выстроились. Вот эти все ларьки, вот это все, где у нас там сейчас эти... Так они и выстроились. Правда, за одним исключением: я не учел... стоимости земли и не знал такой тонкости, что там, где больше всего людей, там земля и помещения дороже, поэтому там выгодно торговать не товарами первой необходимости, а наоборот, дорогими. Например, ювелирными, скажем, мост в Венеции... вот мост в Венеции... самый значительный мост... на мосту же — торговля, там, исключительно ювелирные изделия, потому что остальные не выдерживают по стоимости земли. По стоимости этого участка, самого такого посещаемого людьми.

Ю. С.: Ну, с другой стороны, ювелирные изделия, очень маленький спрос.

Б. Р.: Вот есть такие тонкости, которые говорят о том, что я не экономист, мне не нужно уже дальше в это уходить. Но тем не менее, я хорошую схему... А что касается отдыха и туризма, сугубо все свой личный опыт...

Ю. С.: Да?

Б. Р.: Да, исключительно, почти никаких, для виду были какие-то литературные источники, но все

это я написал. В чем же состоял минус? В том, что это общее заглавие — оно не отражало содержание вот этих моих работ, общее заглавие монографии, поэтому в библиографию эти мои работы по данным темам не вошли. И то, что я был первым географом, который на эти темы стал писать в рамках географии, — это нигде не зафиксировано. Потом, спустя несколько лет, основателями этих направлений стали считаться совершенно другие люди. Правда, я не могу считать себя основателем, но все-таки, я был первым, кто это написал. Но о том, что я был первым, об этом знают, скажем, конечно, Володя Каганский и другие.

Защита диссертации. Начало работы на кафедре

И так прошла эта замечательная зима. И вот в 66-м году, уже 22 июня, в день [начала] войны, я защитил свою кандидатскую диссертацию на эту тему. Собралось очень много людей, аудитория была переполнена. Когда мне задавал вопрос физико-географ Михайлов, что я не вижу у вас там опыта полевой работы и так далее... Действительно, его же у меня не было. Я ему сказал яркую фразу, что, Николай Иванович, неужели для того, чтобы начертить эти схемы, нужно пройти всю Сибирь? Но все это запомнилось.

Ю. С.: А кто были оппонентами?

Б. Р.: Ну, из физико-географов вот он же и был оппонентом...

Ю. С.: Он — это кто?

Б. Р.: Ну, хорошо, мы сейчас все найдем... Ладно, сейчас вначале я хочу...

Ю. С.: А защита-то, как прошла?

Б. Р.: Хорошо прошла защита, хорошо, триумфально. Но это кандидатская — не докторская. Ну что ж, сколько мне лет было в 66-м году? Тридцать пять уже...

Ю. С.: Ну, уже пора.

Б. Р.: Ну, конечно. Я же не аспирантка, ну вот...

Ю. С.: Ну, повысили хоть после этого?

Б. Р.: Да, конечно, после этого я получил уже... ну, не сразу я получил, после этого я стал, конечно, научным сотрудником... младшим, а старшим я стал уже только в 68-м... не сразу. Ну, хорошо... ну, все-таки, я хочу... я пропустил яркий момент, когда меня брали на геофак на работу. Меня решили взять на кафедру, это было не так просто. Оказывается руководство факультета заволновалось. Казалось бы, кто я такой? Совершенно ничтожный по чину, но, значит, меня уже знали там, вот. Ну, сестра Акиндинова [Зоя Петровна Игумнова, преподавательница марксизма], говорила о моей неблагонадежности, о том, что я... И вот, значит... Эта история с метанием чернилницы, она дошла до руководства геофака. И вот, когда меня брали на работу, Рычагов (*Ошибка памяти: деканом был еще не Г. И. Рычагов, а А. М. Рябчиков*), который был тогда деканом... Там собрались [Рябчиков], заведующий кафедрой Саушкин, заведующая лабораторией районирования Татьяна Михайловна Калашникова. Собрался такой серьезный, в мое отсутствие, конечно, синклит на счет того, что можно ли меня брать на работу на должность, всего лишь, старшего инженера. И Рычагов [Рябчиков] говорит: «А вы знаете, что он там кидался чернилницей в помещении Высшей партийной школы? Что мне скажете?» А пылкая Татьяна Михайловна Калашникова сказала там, не знаю, как его звали, может, Георгий Иванович (*Александр Максимович*): «Мы никогда не доведем нашего товарища до такого состояния, чтобы он в кого-то кидал». Ну, значит, тогда он говорит: «Ну ладно, товарищи, на вашу ответственность». После чего меня пригласил в свою квартиру Юлиан Глебович Саушкин и стал говорить: «Ну, Борис, ну ты же понимаешь». Я говорю: «Да, Юлиан Глебович». — «Ну, ты же все знаешь». Я говорю: «Да, Юлиан Глебович». — «Ну, ты же, в общем, меня не подведешь». Я говорю: «Да, постараюсь». — «Ну, ладно». Ну вот, так вот примерно... И действительно я практически

без скандалов там продержался целых девятнадцать лет, в МГУ. У меня было золотое семилетие: с 65-го до 73-го года, когда я написал свои основные фундаментальные статьи, они были переведены в Соединенных Штатах и на английском языке напечатаны в журнале *Soviet Geography*, который специально издавался в Нью-Йорке для того, чтобы переводить некоторые лучшие работы с русского языка.

У входа в главное здание МГУ. Слева направо: Г. В. Сдасюк, Н. Н. Баранский (его учитель), Б. Б. Родоман, О. Э. Бухгольц. Архив Б. Б. Родомана

И, конечно, я тут зажил, так сказать, опять же интересной жизнью, в том числе личной. И вот вскоре после защиты моей диссертации, которая состоялась в январе, меня послали на математическую школу... в летнюю, в летнюю математическую школу. Дело в том, что наступил бум математических методов.

Ю. С.: Ну да.

Б. Р.: И у нас было три таких человека, которые были во главе этого движения. И у каждого из них... Это было связано с некоторыми переломами в личной жизни, а именно с любовью. Это тоже вошло, так сказать, в мои сочинения. Значит, был Преображенский [Владимир] Сергеевич, рядовой, ну, не рядовой — но, в общем, заметный ученый — геоморфолог... Восточная Сибирь там, эти хребты, Саяны, что-то такое. Все понятно, все шло в русле, у него была там... студентка, аспирантка — Таня Александрова. У них начался новый роман, он бросил свою жену ровесницу, его новой женой стала Таня Александрова. А при ней еще ее однокурсница Куприянова и другие тоже вошли в науку... свежие силы. Омолодился Преображенский... математические методы... они пишут, эти девицы, диссертации уже по новым темам, уже связанные с математикой, все такое прогрессивное. Медведков Юрий Владимирович 29-го года рождения... Блестящий тоже ученый, преподаватель, тогда еще очень благонадежный... Был представителем нашей страны где-то в ООН и что-то там в Женеве. И он тоже много работал... у него с партией и КГБ отношения тогда были хорошими. Вот... и при нем — Оля Иерусалимская, была такая Оля, у нее был муж — Иерусалимский, но когда она сошлась с Медведковым, она своего мужа... фьють... вот...

и стала в конце... А у Медведкова жена внезапно скончалась в постели от инфаркта, он остался вдовцом беспомощным, и тут Оля Иерусалимская сразу же... Значит, у него Оля Иерусалимская. И, наконец, Юлиан Глебович Саушкин, который свою жену Аллу никоим образом не бросал, но у него тоже что-то было... какое-то увлечение. И вот эти три человека, увлеченных, уже не совсем молодых... они и произвели, как им это показалось количественно-математическую революцию в географии. За революцией всегда следует контрреволюция, после которой ясно, что ничего эта революция не дала, так же и тут. Вначале все страшно увлекались математическими методами, это был такой бум, 66-й год. И нас послали в Казань, мы все поехали: и Медведков, и Преображенский, и Саушкин, и я, только что защитивший диссертацию. Мы едем, а там нас встречают казанские географы... Не все из них были татарами, но большинство. И мы едем в спортлагерь Казанского университета, который находится на берегу Волги.

И там в сарае, открытом с одной стороны, не с волжской, а с противоположной, к сожалению, сидим и смотрим на доску, где рисуют всякие формулы... одну другой страшнее... ужас, ужас! Как можно было еще верить, что мы что-то понимаем!

И часть этих формул я записываю, как идиот, в своей записной книжке. У нас эта школа была рассчитана на четыре недели. Первые две недели шли дожди, мы сидели немного мерзли, а потом погода наступила хорошая, пляж, так сказать, заполнился. И вот мимо нас одна за другой идут девицы, одна за другой... все в купальниках... все на нас смотрят — косятся... Одна из этих девиц, которая была под именем Диана (настоящее имя — Далия) она сумела очаровать всех географов, потом одного из них она выбрала себе в любовники — Шлихтера, ну, остальные за ней тоже бегали. Ну, я тут для компенсации всегда того, что мне никогда не достается конкретно, никакая женщина, я тут влюбился в некую Женю Каган, дочь инструктора физкультуры... Как-то я с ней танцевал, не более того. Вот так вот все прошло, где математика, где какие формулы. Вот, ну, там дальше у нас были сплошные приключения. Я, например, на скамейке сел... да, я потом без конца брился с утра до вечера, потому что взял с собой механическую бритву, которая в 57-м году... советская, получила какую-то премию на международной выставке в Брюсселе. Она брила хорошо, но очень медленно, поэтому, для того, чтобы побриться мне нужно было бриться непрерывно с утра до вечера. И все свободное время я брился, жужжал этой бритвой. И однажды я, занимаясь этим, сел по рассеянности на очки профессора Саушкина, которые лежали рядом на скамейке. Очки разбились на девять частей, отчего говорили, что я такой худой и попа у меня очень костлявая, но ему очки быстро выправили и так далее. Ну, в общем, так бурно я провел этот 66-й год. Ну, вот, в общем, это золотое семилетие...

Ю. С.: Так все-таки насчет «золотого семилетия»?

Публикации в период «золотого семилетия»

Б. Р.: Надо сейчас обратиться к списку публикаций, что было опубликовано за эти годы.

Ю. С.: Ну, не просто что опубликовано, а как родилось еще.

Б. Р.: У меня произошло такое раздвоение: с одной стороны, я писал две главы вот этой монографии, которая опубликована, — монографии «Организация территориальная...», с другой стороны, я пытался как-то продолжать вот эту свою прежнюю линию, но нужно сказать, что возможно... И у меня это переросло в то направление, которое теперь называют теоретической географией. То есть мои вот эти схемы районирования стали наполняться конкретными примерами. Получилось так, что я стал заниматься моделированием российского, или советского тогда, географического пространства. То есть я изображал в виде ареалов и сетей понятия, узловые районы, то есть районы, которые в центре собирают вокруг себя разные потоки, вещества, энергии, информацию, и однородные районы, подобные контурам на геологических или почвенных картах, которые не имея центра совершенно иначе устроены.

Ю. С.: А что, этого не было разве?

Б. Р.: Это было в зачаточном... Как всегда, Юра... Мышление, если оно правильное, приводит к тому, что уже известно за границей... в сборниках...

Ю. С.: Уже известно — что?

Б. Р.: За границей известно. Вот, американская география, там же под другими словами это все было...

Ю. С.: А в нашей географии?

Б. Р.: Нет, еще не было. И это было развито мною, дальше развито было это учение. Когда я его начинал, мне казалось, что я это сам придумал, когда я уже это написал, я понял, что все это уже там есть. Это же обычная история нашей науки, и вот я это направление развивал. Поэтому у меня вышла эта книга по этому направлению...

Теперь, значит, в эти годы я опубликовал ряд статей... Я не люблю говорить «целый ряд»... Несколько статей, которые легли в основу впоследствии вот этой монографии. Сейчас мы просто в них... Что я делал вот эти семь лет? Моей продукцией были статьи. Вот статьи мои были продукцией, которую я выпускал. Их было не много, меня никто же не принуждал ни к чему. 65-й год, год, когда я еще кидался чернильницей в издательстве, а осенью я уже работал в МГУ. Вот у меня вышла фундаментальная статья «Логические и картографические формы районирования и задачи их изучения».

Ю. С.: А она где напечатана была?

Б. Р.: Напечатана... «Известия Академии наук», серия географическая. Перепечатана в том же году на английском языке в *Soviet Geography. Review and Translations*, Нью-Йорк, уже в том же году, в 65-м, уже там опубликована. Еще у меня третья статья... Только три статьи в 65-м. «Географ проектирует лесные полосы» — это я пришел к Арманду на квартиру и у него интервью взял для ежегодника «Земля и люди». Тут две научные статьи. К концу 65-го года... У меня научных статей за всю жизнь опубликовано, примерно... раз... два... три... четыре... пять-шесть, не больше.

Ю. С.: За всю жизнь?

Б. Р.: За всю предшествующую жизнь... по 65-й год включительно.

Ю. С.: Ну, ничего...

Б. Р.: Мне 34 года уже, но статьи зато фундаментальные очень. Но вот только столько было — так мало. Теперь 66-й год. «Районирование как средство географической характеристики, его логические формы и изображения на карте» — это автореферат диссертации. С авторефератом было очень тоже интересно. Тогда не было еще ротاپринта, а уж всё была только высокая печать или глубокая печать — это значит клише, значит набор, свинец, поэтому иллюстрации нельзя было вставлять в кандидатскую диссертацию, надо было рассуждать без чертежей, а это бы никто не оплатил, потому что какие клише? Поэтому уже одно это делало мой автореферат совершенно непонятным, но он никому и не был нужен. Второе, оказалось, что типография, с которой я связался, не имеет латинского шрифта... Значит, тоже и это отпадало... И все-таки, значит, мне посоветовали эту типографию, которая была связана с кафедрой пересадки органов медицинского института

” И когда шел в эту типографию, мимо меня в обыкновенных кухонных мисочках проносили то ли глаза, то ли почки, какие-то человеческие органы... Это было очень дико.

Вот, ну ладно. Зато обложка у меня была красная. Почему? Потому что я купил хорошей настольной бумаги красного цвета, купил в канцелярском магазине, принес в типографию и там очень обрадовались,

сказали, вот это нам подойдет. Сделали мне красную обложку. Ну вот, 66-й год. И что дальше у меня в 66-м году научного? Да ничего, больше никаких статей. «Снег и солнце // Ветер странствий» (*альманах*) – это моя любимая статья, но это же не научная. В «Советский спорт» (*издательство «Физкультура и спорт»*). Ну, 67-й год. Тут уже больше. «Организованная антропосфера» — «Природа», номер третий. «Организованная антропосфера» — это утопическая статья, в которой земной шар и человечество, рассматривается по аналогии с единым организмом... вот, ну и так далее... в общем, в таком духе. Она была переведена на Западе в двух местах, как в журнале *Soviet Geography*, так и в журнале «Экистика», который издает Доксиадис — архитектор и эколог... из Греции. Так, дальше — «Математические аспекты формализации порайонных географических характеристик» — вот фундаментальная статья, которая была потом переведена в США, Греции, Индии и Польше.

Ю. С.: Ну как вы ее могли написать? Вы же ни чего не понимали.

Б. Р.: Да, Юра, твой вопрос очень правильный, но, тем не менее, для того, чтобы на него ответить, видимо, тебе надо, все-таки, с самой этой статьей ознакомиться, потому что сейчас я не могу так тебе это популярно объяснить. Я нашел, что в вопросах теории географических характеристик может быть применена теория графов, там теорема возможностей таких, еще многое другое, то есть, видишь, вот мое знакомство с математическими методами в предшествующем 66-м году не пропало даром.

Ю. С.: Ну, вы так о нем рассказывали, что как будто оно и не состоялось...

Б. Р.: А я не оттуда черпал, я просто несколько книг посмотрел в библиотеке, конечно, не оттуда...

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Нет, не волнуйся, не с этой доски, нет, и графов Оре (*О. Оре. Графы и их применение. – М.: Мир, 1965*), еще кого-то там... Но теория графов, она же действительно, это же сети, узлы, вот это вот. Потом, структура географической характеристики. Значит, географическая характеристика — есть сочетание трех подходов: исторического — это во времени, пространственного, и потом еще сущностная классификация. Вот сочетание этих трех методов мы можем изобразить в виде трехмерного тела или куба. В одном направлении история, в другом — география, в третьем — систематика. И когда мы излагаем географическую характеристику, мы сканируем этот куб и считываем его по строкам или по столбцам. И когда мы его в одном направлении считываем, у нас получается история, вот то, что мы называем историей, там же и география присутствует, где что поискать, для нас это историческая наука. Если мы в другом направлении считываем — то получается география, но там же история тоже присутствует, но она там играет вспомогательную роль. Так что все это были достаточно глубокие мысли, и они до сих пор, конечно, не получили никакого развития, потому что у меня же не было учеников, я же этого не преподавал. Короче говоря, но это вошло в струю, потому что в моей книге содержались какие-то формулы, и этого было достаточно, там были ссылки на математические работы, и она, значит, в четырех странах была опубликована. Ну, вот... и что, вот эти две? Да, «Организованная антропосфера» была также опубликована в ежегоднике «Земля и люди». И вот эта. Значит, две статьи в 67-м году — «Организованная антропосфера» — она утопическая, и вот эта вот «Математические методы», которая была в том же году уже и в Соединенных Штатах напечатана. Так что статей всего примерно две. А остальное — это «О прокате лодок туристам», еще что-то. Так что вот и все. Вот какая у меня была слабая нагрузка, как я все-таки мало писал.

Ю. С.: Ну, а от вас, как бы... ну, знаете, как всегда — план работы кафедры там...

Б. Р.: Да, да, да, вот план работы существует. Теперь дальше. Почему я не преподавал? Я это объясняю так: меня боялись выпускать, вот... потому что я мог ляпнуть что-то лишнее и подвести своих благодетелей.

Я никогда не был диссидентом, я всегда был труслив и всегда прятался, но у меня на лице была написана, ну, не ненависть, но во всяком случае что-то похожее...

Мое отношение к советской власти так называемой (она никакая не советская) и ко всему, в общем. И видимо, какая-то печать человека не от мира сего, поэтому со мной поступают следующим образом: меня раз в год выпускали на встречу со студентами... Раз в год или, может быть, в два со студентами второго или третьего курса, не с первокурсниками скорее всего, второго или третьего. К пятикурсникам тоже не нужно, они отрезанные ломти, как говорится, а первокурсник еще ни чего не понимал. Вот так примерно. На них это производило большое впечатление, вплоть до того, что некоторые участницы этих встреч до сих пор о них вспоминают. Или лекции какие-то. Ну, к концу моего периода обучения на геофаке я такой создал курс лекций по науковедению. А именно о том, что такое наука.

Ю. С.: Это к концу... в смысле...

Б. Р.: Девятнадцатилетнего этого моего периода...

Ю. С.: А, понятно. Не обучения, а работы...

Б. Р.: Да... работы, да... вот. Почему я это создал? Потому что сам дома накопил целую библиотеку книг по науковедению. Меня интересовала личность ученого, то есть я понимал, что от ученого нельзя требовать ни ежедневного посещения работы, что им нельзя командовать. Мне очень понравилась статья на эту тему уже была в журнале «Природа», что ученый не нуждается в директоре и никогда не будет директором.

Ю. С.: А что-нибудь вы на эту тему написали... опубликовали?

Б. Р.: Да, конечно. Я написал на эту тему впоследствии, уже в 90-х годах. У меня была опубликована статья в журнале, известном тебе, нашем, по сути дела, журнале «Здравый смысл» — «Наука как нравственно-психологический феномен». Это большая статья в двух частях, и к ней академик Абелев написал послесловие, что настоящая наука действительно такова, как ее изобразил в своей статье Родоман... Но, к сожалению, дальше он писал о том, что происходит на самом деле... с огромным опозданием... Наполовину, когда это уже стало актуальным в ином смысле, потому что я жаловался на то, что мешало науке в советское время, а опубликовано это было уже в эпоху, когда науке мешало то, что мешало и в постсоветское время. Ну, и так далее. По этой теме я создал такой курс, мне очень хотелось его прочитать, и мне дали такую возможность — прочитать его студентам вечернего отделения, а потом еще перед стажерами и аспирантами, которые собирались иногда у нас. И я два раза читал или три этот курс лекций. Он у меня...

Ю. С.: По науковедению?

Б. Р.: Да, но это курс компилятивный, я здесь, собственно говоря, выступаю только как пропагандист идей, которые малоизвестны и которые так и не внедрились, наше начальство их так и не поняло. Ну, кому же я читал эти лекции? Я их читал студенткам вечернего отделения, а у них была одна задача... ну, получить диплом, конечно, у них главная задача была, каким-то путем, для этого надо хоть иногда ездить в университет... правильно, чтоб диплом получить, если она его не купила в подземном переходе... тогда еще не продавали такого, так, как сейчас. Но когда эти девушки слушали мои лекции, у них только одна была задача — как можно скорее уйти домой, потому что многие же из них жили за городом, а им же надо еще на электричке домой ехать, а там же еще могут схватить и изнасиловать... Вот так вот, такая вот аудитория была. Но нет худа без добра: одну студентку я все же закадрил... Таким способом она стала моей подругой надолго и сейчас она обо мне вспоминает иногда, приезжая из Соединенных Штатов. А другая... другой случай, когда такие же лекции я читал стажерам и аспирантам. И там тоже пришла одна аспирантка, которая обо мне много слышала по собственной [воле], ее никто туда не приглашал, она сама

появилась.

Она была поражена мною и моими лекциями. Она сказала: «Вот пришел такой невзрачный с авоськой в руках...»

Говорят, что я кое-какие вещи в авоське носил... Ты помнишь, что такое авоська?

Ю. С.: Авоську-то я...

Б. Р.: Это плетеная сумка...

Ю. С.: Конечно, помню... а как ее не помнить...

Б. Р.: Это я говорю тем, кто никогда ее не видел. С авоськой... у меня была такая история, что я с ней на конференции в Одессе тоже ходил...

Ю. С.: Арбузы в ней замечательно носить.

Б. Р.: Да, ой, сейчас я ее всегда достаю, чтобы купить арбуз... кстати, напомнил хорошо... Что же мы не купили арбуза сегодня, мне так хотелось его съесть! Может ты сбегашь и купишь?

Ю. С.: Могу.

Б. Р.: Ну, вот как хорошо — теперь у нас такая перспектива... Ей-богу, может даже и авоську найду, но поменьше, чтоб... Ой, как мне арбуза захотелось!

Ну вот ладно, значит, конференция в Одессе, очередная конференция, у меня доклад по теоретической географии... А мой однокурсник Хорев Борис тоже человек довольно наглый, и он мне говорит: «Ну что ты ходишь со своей авоськой, я тебе сейчас хорошую сумку подарю». Выхватывает у меня из рук авоську и картинным жестом через окно выбрасывает ее на Дерибасовскую... А мы жили тогда в очень роскошной гостинице. Ну ладно, значит... и вот эта студентка, бывшая аспирантка... она вспоминает... Дело это уже было в начале 80-х годов... Она тоже вспоминает, что пришел такой невзрачный, но когда он открыл рот — она была очарована, и следующие двадцать пять или тридцать лет она хранила обо мне память. И вот теперь эта Таня Герасименко, которая мне на склоне лет, вот... появилась около меня.

Ю. С.: Да. Интересно.

Б. Р.: Вот это, пожалуй, был главный результат этих лекций... Все же что остальное... Но у меня сохранились прекрасные конспекты, я мог бы написать сейчас брошюру на эту тему популярную. Но времени у нас все нет, потому что я делаю все очень медленно. И так я считаю, что дальнейшими вехами моей биографии здесь является, прежде всего, опубликованные мною работы. И эти работы мы можем смотреть так, примерно, до тех пор просматривать, пока не наступила у меня уже дерзновенная задача — защищать докторскую диссертацию.

68-й год. Опять переиздание статьи «Антропосфера и комплексная география», уже в научном виде. Я никогда не пренебрегал многократным изданием своих статей и сейчас я это тоже делаю. Я считаю, ну, что... ну, один раз опубликовал, и что? Ну кто это прочитал... это же случайно. Я всегда ссылаюсь на стихи физико-географа нашего Забелина, который писал, что «Однажды сказанное слово, / Увы, почти всегда, мертво, / Но не отчаивайся, снова / И снова повторяй его. / Пускай оно в зубах навязло...» чего-то еще... когда-то, кто-то... когда-то, кто-то в будущем, может быть, вникнет в суть. Ну вот, так что я всегда переиздавал и, конечно, как правило, в более научном варианте, в более популярном. А мои статьи — они, в сущности, одни и те же и в научных, и в популярных изданиях. Но, журнал считается, «Земля и люди», это же, конечно, не научный журнал, но то же самое в «Известиях Академии наук» напечатано — это уже будет научная статья. 68-й год. Да, «Зональность и географические зоны» — вот это вот старая идея о том, [что] весь мир расслоен на зоны, слои, вот везде. Что они все пространство пронизывают — эти зоны, что это универсальный такой вот закон, все от космоса до почвы, до всего. Вот вышла статья, «Вестник

Московского университета»... 68-й год... Зародыши ее содержались в моих курсовых работах.

Ю. С.: Ну, а вот эта ваша «Организованная антропосфера...» — антропосфера, да?

Б. Р.: Да.

Ю. С.: Каким-то образом, она была связана с Вернадским, с его ноосферой и так далее?

Б. Р.: Да. Немного была связана, но опять же я не могу сказать, что я читал всего Вернадского... Да, было связано, да, конечно... безусловно...

Ю. С.: Вы знали о нем?

Б. Р.: А, да, да, конечно... конечно, ноосферу, конечно, конечно, не настолько я же был изолирован... Антропосфера — где-то этот термин употреблялся и до меня, и после. Вот сейчас посмотрим, есть ли, и сохранился он в интернете?.. (Смотрит в компьютере.) Сейчас... Антропосфера... антропосфера... Есть, есть. Даже в Википедии есть... Антропосфера — Википедия... вот интересно... Ага, Википедия, так... Есть, уже есть... «Ваша версия устарела, старая версия браузера больше работать не будет», так... сейчас еще раз... Del... мне надоели эти угрозы. Все требуют, чтобы я чего-то покупал, чтоб я покупал что-то другое. Зачем? Ну, невозможно даже Википедию открыть... Ага, термин антропоосфера в 1902-м впервые году ввел в научный оборот Д. Н. Анучин. Ну, и хорошо, и правильно... значит, было уже известно...

Ю. С.: Анучин? Наш?

Б. Р.: А, подожди, подожди... антропосфера — англо-русский словарь по экологии — Родоман Борис Борисович... вот тут написано в Википедии статья о других людях с фамилией Родоман, вот что выскочило. Значит, видишь, как-то все-таки связалось... связалось. Сейчас, это интересно. Словари и энциклопедии на «Академике», выскочило: антропосфера — основная часть социосферы, охватывающая человечество как совокупность индивидов. Также в других словарях, антропосфера, антропосфера, антропосфера — земная сфера, где живет и куда проникает человечество. Ну вот. Люди в письмах... Антропосфера, Р. Г. Баранцев — подробно, купить за 931 рубль. Баранцев... Баранцева я знаю, он с нами вращался. Ну вот и все пока. Ну вот...

Ю. С.: Хорошо.

Б. Р.: Так что где-то случайно, видишь, моя фамилия выскочила. Выскочила, но погасла.

Ну вот. Так... То есть, короче говоря, эти такие вот фундаментальные статьи, которыми я очень дорожу. 69-й год. Опять переиздание «Математические аспекты...» Где это издано? Индия, University of Mysore. Так, «Рекреационные ресурсы и конструктивное районирование отдыха». Так, теперь, значит, эта вот тема — отдых и туризм, которая была в этом сборнике «Территориальная организация производительных сил» тоже, помаленьку мною развивалась в виде статей. Я участвовал в разных конференциях, а Институт географии во главе с заместителем директора Преображенским всецело кинулся на обслуживание рекреации, то есть отдыха и туризма. Вот это открылась такая замечательная перспектива перед ними. Дело в том, что раньше географы очень презирали туристов, также как и геологи. А теперь — наоборот. Вот это все... и вот пошло-пошло. И одним из основоположников рекреационной географии стал Преображенский, а из более молодого поколения... Игорь Зорин и еще Юра Веденин.

Ю. С.: Борис Борисович, а вот как была все-таки... ну вот... жизнь на кафедре происходила?

Б. Р.: Жизнь на кафедре происходила так...

Ю. С.: Ну, вот, заседание кафедры, куда вы ходили регулярно. Было ли это каким-то содержательным, интересным?

Б. Р.: Конечно, там же без конца обсуждались диссертации и кто говорил... всякое...

Ю. С.: Ну, так...

Б. Р.: Ну, конечно... Скандалы тоже были...

Ю. С.: Да я не про скандалы.

Б. Р.: Да, я знаю, что не про скандалы. А что еще? Как всегда я слышал упреки в свой адрес, но робкие упреки, потому, что я все-таки был фаворитом Саушкина, а так — робкие упреки на тему, что я, там, не принимаю участия в жизни коллектива, не занимаюсь общественной работой, что меня вообще не видно нигде. Кто мог, тот и говорил. Была у нас такая старушка, которая сидела, занималась явкой на работу. Меня тоже пытались преследовать... не преследовать, а как бы заставить на работу ходить, отмечаться где-то, но я от этого уклонялся. Потом я обнаружил там свои первые экземпляры своих дипломных и курсовых работ, которые использовались как подставки для цветов на подоконнике, и, конечно, их забрал к себе домой.

Путешествия в 1968 г. и позже

Может быть, если посмотреть на перечень моих путешествий, можно понять, что же я еще делал тогда. Ну, 68-й год — зимой я ездил знакомиться в Сочи с Красной Поляной, летом, я почему-то вижу себя в Ашхабаде...

Ю. С.: Чуть громче.

Б. Р.: Ага...

Ю. С.: Где вы видите себя?

Б. Р.: Да Ашхабад, Самарканд...

Ю. С.: Ух ты, опять?

Б. Р.: Ага, что это было? А, вот что было. Ну, в общем, я пользовался всяческими возможностями для путешествий. Но, к сожалению, больше на свои деньги, потому что транспорт тогда был дешев. Вот в 68-м году мне предложили поехать весну встречать в Туркмению. Вот, две девушки, или дамы, с нашего геофака... две... предложили. Я для этого, насколько помню, никакого отпуска не брал. Мне для этого было можно пропустить одно-два заседания кафедры. Я никому не был, собственно говоря, нужен. И вот мы так туда поехали, есть такая станция Репетек.

Ю. С.: Есть.

Б. Р.: Вот, там всегда снимают фильмы о пустыне...

Ю. С.: Да.

Б. Р.: Если, так сказать, Пржевальский в свежeweыглаженной белой рубашке ползет, изнемогая, по бархану — то это там. Станция построена для изучения пустыни как препятствия железнодорожному строительству.

Ю. С.: По-моему, еще до революции, нет?

Б. Р.: Конечно, до революции. И вот приехали мы в апреле, старинный дом кирпичный, высокое помещение, никакого отопления. Жутко холодно...

Ю. С.: Ну там кто-то должен ведь содержать?...

Б. Р.: Там почему-то никого не было, но мы почему-то этот дом получили в свое распоряжение. Железная дорога, я много слышал легенд о том, как в Туркмении берегут воду. И как ее берегут? Значит, приезжает цистерна железнодорожная, ее наливают в водокачку, в водокачке этой крана нет — вода просто течет вниз, но течет до тех пор, пока водокачка не опустошится.

Ю. С.: Так и берегут?

Б. Р.: Да. Вот так. Дальше, вагон-лавка, магазина нет — вагон-лавка останавливается, люди прибегают, кое-какие люди там живут же, и с воплями, с криками им кидают буханки хлеба, продавец ругается, поезд отправляется дальше, они кричат, что не успели купить. И мы только и делали, что ждали эту вагон-лавку, причем мы же не знали, когда он придет, никто же не объявлял, поэтому, мы вынуждены были целый день дежурить, ждать вагон-лавку, чтобы купить там какой-то еды. Теперь, как себя вела пустыня? С утра было жутко холодно, невозможно было согреться, и, наконец, согревались только под вечер, под вечер песок накалялся и наступала жуткая жара. Ну, там прыгали какие-то ящерицы. Ну, потом мы поехали посмотреть Самарканд, в Ташкент, потом с этими девицами я перессорился. Мы ходили в окрестности Ташкента, я там собрал тюльпаны пестрые, с тем, чтобы привезти их в Москву своим любимым девушкам. Но когда я сел в самолет, я вдруг увидел продавца в аэропорту, который предложил мне связку из четырехсот тюльпанов стоимостью по копейке за штуку. Я их тоже купил и в самолет меня, кстати, сначала не хотели пускать, причем этот букет был даже не в бумагу завернут, а в какие-то доски снаружи. Я с этими тюльпанами приехал в Москву... Тут же их надо кому-то отдать, у меня телефона дома нет, значит нужно идти в телефонную будку, всем звонить. Все прибегают, в общем... А тюльпаны все положил в ванну, они там плавали. Ну, в общем, всем хватило. Самым любимым девушкам — пестрые тюльпаны, которые я собрал в степи, в горах, а остальные — всем остальным. Ну вот. Вот так вот интересно. У меня еще была такая общественная жизнь, у меня дома были, так называемые, родоманьи четверги...

Родоманьи четверги

Ю. С.: Чуть громче.

Б. Р.: Родоманьи четверги. Я жил в коммунальной квартире на проспекте Мира, бывшая 1-я Мещанская улица, очень близко от двух станций метро, поэтому ко мне за час могли доехать с территории старой Москвы много людей. У меня каждый четверг собирались гости, у нас было две комнаты, я жил в комнате тупиковой, а мама в проходной. В моей комнате тринадцать квадратных метров высотой триста шестьдесят сантиметров, то есть она имела кубическую форму, 360 сантиметров в длину, в ширину и в высоту. Никакая ни при каких других размерах жилая комната [кубической формы] невозможна, кроме как при таких размерах. Это было замечательно, у меня там набиралось до сорока человек, как я уже говорил, среди них были и такие личности, как Есенин-Вольпин и Дулов. Но лично с ними я не был знаком, их кто-то приводил ко мне. И вот они собирались. Ко мне тоже в четверг нагрянул народ за всеми этими тюльпанами... Это яркий пример того, как я проводил время.

Ю. С.: А программа этих четвергов? Ну, условно... слово программа, как...

Б. Р.: Не всегда была программа... У меня был друг ныне покойный Витя Мучников, который брэнчал на гитаре свои сладкие песни. У меня был магнитофон, на котором записывали то, что тогда было в моде.

Ю. С.: Ну, такое количество людей... надо же было что-то пожрать...

Б. Р.: Они сами приносили.

Ю. С.: Ну да.

Б. Р.: Конечно. Сами приносили, кто что принесет. У меня был гигантский подоконник, на нем могло стоять сорок граненых стаканов, такое количество стаканов у меня было. Иногда было так, что гости придут... и все время косятся на эти стаканы, ждут, когда же в них что-то нальют, а ведь никто ничего не принес, каждый думает, что кто-то другой принес... так и ничего и не налили... Был такой вот вечер. Это, как раз, тот вечер, где были вот эти товарищи. Я помню, среди них был какой-то шикарный инвалид, который зимой ходил без пальто, потому что он все время брэнчал своими костылями, ему же жарко было. Ну, и так далее, к Есенину-Вольпину мы с моей приятельницей Зоей Ибрагимовой заходили в ту коммунальную квартиру, где он жил на Садовой улице, Садово-Спаская или где-то там (*Садово-*

Самотечная ул., близко от угла с Самотечной ул.). Так что вот такая у меня была общественная жизнь. Я был человек достаточно публичный, сейчас я живу в уединении.

(Перерыв в записи.)

Походы выходного дня

Началось это с того, что по окончании геофака я приобщился к туризму выходного дня. До этого я тоже ходил в разные походы со своими коллегами, но систематически я стал ходить в походы выходного дня после того, как я поступил на работу в издательство, у меня появился выходной день. Дело в том, что в первое время суббота не была в нашей стране выходным днем, а только воскресенье, а потом уже и суббота стала. У меня был товарищ — Костя Шилик, который был моим одноклассником, он поступил в МВТУ имени Баумана, но впоследствии он стал археологом. Сейчас он живет в Гамбурге. И вот он организовывал эти походы выходного дня, с ночевкой, мы выезжали вечером в субботу, топали пешком до темноты, потом ставили палатку, там ночевали и шли дальше.

На подмосковной лыжне. Архив Б. Б. Родомана

Ю. С.: Компания такая разная была?

Б. Р.: Да, разная, там была компания пестрая, большая... Мне, в основном, не знакомые люди, с ними я ходил. Потом, постепенно, я и сам стал водить тоже такие группы, то есть только из своих личных знакомых, никаких посторонних людей, в которые мы кое-как ходим и сейчас. С тобой, Юра, мы тоже были там недавно. Но, оказывается, этим людям было мало общаться только там. Ну, у меня появилась

своя уже какая-то своя группа людей, которых я водил. Это единственная, пожалуй, сфера моей жизни, где я был лидером. Я там считался руководителем-лидером потому, что в остальном я никогда не имел подчиненных. Попытки иметь каких-то подчиненных всегда кончались для меня крахом. А тут вот... И, видимо, этим людям было недостаточно общаться только по выходным дням, еще хотели общаться в городе, в городской обстановке. Не исключено, что девушки, которые туда ходили, у них тоже была задне-передняя мысль там закадрить, может быть, жениха, как-нибудь. Ну почему люди собираются вместе? Молодежь все-таки это существа стадные, в каком-то возрасте человек должен быть в стаде... Собирались... В таких компаниях, конечно, тот, кто умел петь или играть на гитаре, он всегда играл роль какого-то лидера. У меня, кстати, вышла научная статья, которая есть в интернете, «Распределение ролей в неформальном досуговом коллективе»*, где все это рассматривается. Там я свыше ста ролей насчитал... [Они] совмещаются в одном человеке в большом количестве. Даже если вас двое — ты и твоя подруга или жена, с которой ты путешествуешь, каждый из вас совмещает большой пучок ролей. Там есть роль лидера, роль активиста, человека, который сам больше всех что-то делает, роль хозяина транспортного средства, квартиры, на которой происходит это действие. И все это там у меня разбирается. Вот, этот опыт обобщен.

* <http://нпоза.рф/2016/12/10/2131>

Так вот так собирались мы, и покойный друг Витя Мучников играл на гитаре, пел нежным голосом свои песни. Тоже человек интересный, он работал в «почтовом ящике», сверхсекретном, на востоке Москвы. И вот он ездил в дальние поездки, только в одну поездку — на туристском поезде, а в остальном — он ходил в походы выходного дня, конечно, с ночевкой в палатке. Вот этот Витя Мучников — человек очень осторожный, скованный вот этой дисциплиной, государственной тайной, а это на всех людей давило в повседневной жизни. Он интересно рассуждал: он отрицал существование зарубежных стран...

Ю. С.: Ну да...

Б. Р.: Я говорил тебе об этом, скажу сейчас в микрофон. Он говорил, что я никогда не побываю в этих странах, меня туда никогда не пустят. Мне запрещено общаться с людьми, которые там были. Следовательно, говорит, какие доказательства, что для меня лично есть того, что эти страны существуют...

Ю. С.: Книжки.

Б. Р.: Ну вот...

Ю. С.: Ну да.

Б. Р.: Он рассуждал по-своему... да, вот он... но, почему-то он умер, когда ему было пятьдесят лет или еще чего-то — непонятно, но он, конечно, не женился, он был очень осторожен. Девушки из моей компании, которые имели на него виды. Ну, девушки в годы моей молодости были одержимы идеей выйти замуж. Может быть, сейчас так же, но тогда они только с этой точки зрения... На них это давило... давила эта необходимость выйти замуж. Она еще, может быть, никого не любит, может быть, она не хочет выходить замуж, но давит, давит обычай. Вот они присматриваются... вот в такую ловушку они и со мной попадали, пока убеждались, что я вовсе не собираюсь на них жениться. Ну, вот такая была компания, не без этих стимулов, конечно, главное, что это часто было без всякого предупреждения, у меня не было в квартире телефона. Иногда я ходил и стоял в телефонной будке часами, со всеми договаривался, запасался монетами двухкопеечными. Вот это вот такая у меня была общественная жизнь. И между делом, конечно, все Подмоскowie обошли...

Подмосковье. Поход выходного дня. Архив Б. Б. Родмана

Ю. С.: Нет, а как это кончилось все?

Б. Р.: Это кончалось очень постепенно. Что касается прогулок, они до сих пор не кончились. А четверги кончились с переездом на другие квартиры. Москва расширялась, я поселился в результате разных перипетий семейной жизни, я оказался вдали от метро в Тимирязевском районе... ну что ж, теперь уже ехать... во-первых. Во-вторых, люди состарились, вышли замуж. Такая уже компания все-таки всяким уже не нужна в такой степени. А прогулки нужны больше, таких людей мало осталось.

Попытки быть «нормальным». Поездка на Кавказ

Теперь надо сказать, что, когда я поступил на геофак на службу в 65-м году, то были попытки тоже из меня сделать более менее типичного, ну, даже скажем, научного сотрудника с преподавательскими нагрузками. Мне сначала... Мне или я это организовал... какой-то кружок студентов. Студенты ко мне сразу же примкнули. Вот я с ними такой кружок по изучению Москвы, я их водил по улицам, что-то им говорил. И как ни странно, два человека из этого кружка как-то очень тепло обо мне вспоминают. И вот Миша Сигалов — мой соавтор по книге «Центральная Россия» тоже это вспоминает, он тогда ко мне пришел, будучи студентом. Но это не получило продолжения. Дальше. Видимо, вот в этом же году, 65-м... Да, вот первая же зима моей работы на геофаке, когда я еще казался более менее... может быть, деканату я казался более-менее нормальным таким научным сотрудником. Меня пригласили отправиться с группой студентов на Кавказ в качестве руководителя. Или, как называлось, зимняя студенческая практика, что ли, я не знаю. Это все финансировалось деканатом, то есть государством. В студенческие каникулы студенты

куда-то отправлялись. Это была, как бы, зимняя студенческая практика или экспедиция. Закавказье... ознакомиться с предприятиями там, составить отчет — какое там хозяйство. Предприятия — это, в основном, конечно, винные заводы. Может быть, для видимости еще что-то, может, еще хлебозавод там... булок дадут, но это не так важно. Важен винный завод. Ну вот, и я был назначен руководителем, я поехал наедине со студентами один, не имея никаких взрослых помощников. Забегая вперед, я скажу, что это кончилось тем, что они за меня всем командовали, а я просто превратился в пустой балласт, который везли в их составе, потому что я совершенно оказался не пригодным для того, чтобы с кем-то разговаривать, приехать, говорить с начальством, все это... За меня это сразу делали другие. Правда, те другие студенты, которые за меня это делали, они сами сейчас стали крупными начальниками. Например, там был один Игорь Зорин — он сейчас президент или ректор Международной академии туризма, к нему не подступишься, на прием к нему не запишешься. Так что вот они, в общем, не хуже меня со всем справлялись. Это была очень веселая ватага студентов, но ни хулиганства, ничего не было. Были люди умные, большая часть — интеллигентная. Там мы с песнями, в общем, поездом приехали в город... Сначала мы попали в... по-моему, мы сначала попали, почему-то в Кутаиси... я не знаю, что-то в Кутаиси мы делали, потом мы попали... как это называется там горнолыжный курорт в нем? Сейчас я вспомню...

Ю. С.: Грузия?.. Домбай какой-нибудь?

Б. Р.: Да, да, да. Нет-нет... так, почему-то сначала Самтредиа, Кутаиси, пещера Сатаплиа, Боржоми, а из Боржоми в Бакуриани...

Ю. С.: Бакуриани...

Б. Р.: Ну, интересно, что это было в конце января, а снега не было, не выпал еще снег там в Грузии... в общем, не выпал и все. А мы ехали в Бакуриани по этой замечательной узкоколейке. Это была единственная в СССР железная дорога, которая построена в настоящих горах, разумеется, иностранными инженерами. Ехать на ней было очень долго, часа три, по ней ходили грузины, продавали чачу. Там у меня ребята, конечно, здорово перепились, они все время перепивались. Ну, в общем, приехали в Бакуриани. Они говорят: что же вы к нам приехали, приезжайте зимой, когда снег будет. То есть как, а сейчас же январь? Ну да, вот снега у нас еще нет. Так все говорили нам, что вы приехали к нам невовремя. Приехали в Бакуриани, а снегу нет... а Бакуриани без снега — какое-то там мне показалось сибирское село в распадке, такие невысокие горы. Но так вот мы ярко путешествовали, потом, мы на электричке приехали в Тбилиси. По дороге там я выходил в Мцхете, ел там отбивную котлету, пока электричка стояла. В электричке я умывался и брился, там что-то все было, был туалет. В Тбилиси мы посетили и завод шампанских вин, все это нам показывали, этот купаж, дегоржж, чего-то там еще как это называется... А потом — наши же студенты все время ждут: а когда же, когда же дадут попить-попробовать... Ну, тут они задали этот вопрос, и опять же, не я задавал вопрос, я поручал задавать любой вопрос кому-то другому. А ответ был таков: да, пожалуйста, скажите, на какую организацию выписать...

Ю. С.: Счет.

Б. Р.: Да, счет... и все. Ну, после этого все сникли и оттуда ушли. А следующим пунктом у нас был Ереван.

 И когда в Ереване мы сказали, как грузины с нами нехорошо поступили, то армяне, конечно, взвыли от негодования и нас бесплатно, конечно, напоили ведрами своим коньяком.

То есть, мы вначале...

Ю. С.: Вы были на заводе?

Б. Р.: Да, мы были на коньячном заводе, и попробовали действительно вкусный коньяк, и выслушали все эти легенды о нем, о дубовых бочках, и о дубовых щепках, которые вместо этого... и о чае, которым

подкрашивается тот коньяк, который мы пьем в Москве, тот коньяк, который мы пьем в Москве. Да, он получается цвета чая, чай — это же краска пищевая такая. Ну, и так далее. После всего этого еще и ведрами, оказался в общежитии, где мы ночевали. Ночевали в общежитии. Но после этого я утратил последние остатки контроля над студентами, но они в этом не нуждались. Приехали в Баку, а там снег выпал, боже ты мой! Обратно мы вернулись. Значит, вот такая была попытка. И после этого, по-моему, деканат выразил неудовлетворение вот этим всем... И после этого меня уже никуда не посылали.

Ю. С.: Ну, а как он мог... что ему могло не понравиться?

Работа над докторской диссертацией

Б. Р.: Нет, скандалов никаких не было, но я уже не стремился к этому. Ну вот, значит, мы описываем, так называемое золотое семилетие. Что для него характерно? Оно продолжалось с 66-го года по 72-й или 73-й, но, семь лет, или не семь, но приблизительно семь. В это время были написаны очень фундаментальные мои статьи, которые в своей совокупности отражали российское пространство... Как у нас устроено там административное деление, как оно влияет на весь ландшафт. Ну, в общем, наша страна. Вот во что превратилась моя тема, и районирование там тоже присутствовало. И теперь у меня уже назревала необходимость защищать докторскую диссертацию. А докторская диссертация — это совсем не кандидатская. Мне говорили потом, что, когда человек защищает на геофаке докторскую диссертацию, для этого должна быть подготовлена почва. Почва эта очень разнообразная и сложная, и готовится она не просто. Надо, мне говорят, чтобы весь геофак гудел, начиная с уборщицы, чтобы каждая уборщица знала, что вот такой-то идет защищать докторскую диссертацию. Ну, как выяснилось потом, у меня это все не было подготовлено по легкомыслию моего заведующего кафедрой Юлиана Глебовича Саушкина, который все-таки был идеалистом в смысле, что он чрезмерно верил в науку и недооценивал другие человеческие качества и интриги. Ну ладно, мы вернемся, значит...

Сущность этого семилетия была в том, что было написано несколько очень фундаментальных статей и все эти статьи немедленно переводились в Нью-Йорке и переиздавались на английском языке в этом журнале, который называется *Soviet Geography: Review and Translation*. И задача журнала *Soviet Geography* была двойная: с одной стороны, он самые фундаментальные и чисто научные статьи перепечатывал, с другой стороны, он интересовался нашими ископаемыми и природными ресурсами. Это тоже туда шло в первую очередь. И делал его один человек, он был под эгидой Американского географического общества. Президент там известен кто был, <нрзб.> он к нам тоже приезжал. С ним у меня была переписка, но делал это (*журнал. – Б. Р.*) один человек — Теодор Шабад...

Ю. С.: Теодор... как?

Б. Р.: Это был американец восточноевропейского происхождения...

Ю. С.: Теодор Шабад?

Б. Р.: Шабад. Теодор Шабад. Он есть... в интернете он есть... Сейчас тепло вспоминает. Это был американец восточно-европейского происхождения, который знал русский язык. И он переводил это все...

Ю. С.: А кто выбирал?

Б. Р.: Он выбирал, он подбирал, мои статьи часто были на первом месте. Вот мы открываем журнал: «Логические и картографические формы районирования и задача их изучения», Б. Б. Родоман. Дальше идет Д. Л. Арманд, В. С. Михеева, Н. Н. Некрасов, Л. П. Альтман, В. П. Новиков. «Экономико- географическая математическая модель городов», Блажко — это из Казани. 65-й год... 67-й год — ноябрь... вот. Опять на первом месте моя статья — «Математические аспекты формализации порайонных географических характеристик», это все по-английски. Дальше идет Медведков, Гуревич — уже известные люди... на первом месте здесь моя статья идет. Теперь 68-й год. Возможно, что здесь я уже стал сползать не на первое место... О, «Организованная антропосфера», но это уже не на первом месте идет. Это у нас 68-й

год. Теперь что? 69-й год. Декабрь. Он издавался четыре раза в году, два раза — в весеннем семестре, два — в осеннем. На первом месте моя статья «Зональность и географические зоны», опять же на первом месте она здесь идет. Я, видимо, был любимцем Теодора Шабада, заочным. Так, 70-й год. Уже не на первом месте, но что-то есть, на втором. «Деятельность людей и социально-географические районы». Это мои статьи фундаментальные. Дальше, февраль 73-го года. Моя статья на четвертом месте — «Территориальные системы» и все... такое заглавие. Что такое территориальные системы в моем понимании?.. Вообще-то это слабая работа, я считаю теперь. 80-й год. Каганский, Полян, Родоман — «Семенов-Тян-Шанский. Район и страна», ну, это археорецензия на его работу, Семенова-Тян-Шанского... У него фундаментальная работа к 50-летию со дня публикации. 82-й год. Уже наше время приближается... Ну, это, наверное, моя последняя статья — «Конструктивное значение теоретической географии», Родоман и Шупер. в соавторстве со Славой Шупером, он был тогда моим ярким учеником, а сейчас стал моим врагом... Этого я не знаю, почему. Дальше... вот, вот... что интересно, что в 80-х годах под моей редакцией вышел целый сборник, целая книга «Географические границы». Там была моя вступительная статья, моя статья, статьи тех, которые считались моими учениками... это уже 83-й год. И вот этот журнал перевел эту книгу полностью. Вот этот журнал весь перевел вот эту вот книгу, которую мы издали. И что здесь вначале? Предисловие — Родоман, «Географические границы» — Каганский, «Основные типы географических районов» — Родоман, «Географические границы как фактор районообразования» — Шувалов. Шувалов был потом у нас завкафедрой... Нет, правда, тут не все статьи... ну, некоторые, которые были понятны и интересны Шабаду. Мироненко, Смирнягин, Тикунов — все эти люди стали заведующими кафедрами, и сейчас они живы. Вот этот интересный журнал.

И тут назрела необходимость мне встретиться с самим Шабадом. Он же приезжал сюда. И вот это тоже интересно. Это уже характеристика эпохи. Мне Шабад позвонил, сказал, что он сейчас в Москве, хотел бы со мной встретиться. Это было густо-советское время, 70-й год... Ну, в общем, я прекрасно понимал: я в какой стране живу и что, собственно говоря... в какой обстановке все это может происходить. Ну, он мне говорит, что он избрал местом встречи ресторан «Пекин». Ну хорошо, говорю, я подъеду. Я подъезжаю на общественном транспорте к ресторану «Пекин», у входа там стоят двое, меня осматривают внимательно, никто мне ничего не говорит, то есть никто у меня ничего не спрашивает... все как будто все нормально, в общем. Все знают же заранее, кто куда идет и что делает. Я прихожу, меня встречает Теодор Шабад, вокруг него кто-то, метрдотель что-то, вот говорит — у нас там занято, там занято — пойдите сюда. Приглашают нас за стол на первом этаже. Первый и последний раз был в ресторане «Пекин», нечего мне там делать... И тут к нам подсаживается мужичок: «Можно я с вами... обедать», — и заказывает себе обед. Мужичок с виду управдома какого-то, почти пенсионного возраста. Ну, Теодор заказывает по чашке кофе с каким-то кексом. Ну вот, я веду с ним нейтральную беседу, что мол, Теодор, как хорошо, что вы переводите нашу литературу, какое вы хорошее дело делаете для сближения, так сказать, культур, так сказать, наших народов. Ну, кое-какую информацию... а вот, скажите, наши работы наших физико-географов там Солнцева и других (они в моей жизни большую роль сыграли) известны в Соединенных Штатах? Он сказал: «Нет, они не известны, никому не интересны». Ну и так, и так далее. Потом я говорю, что господин Шабад, не трудно ли вам вот переводить вот такие вот тексты, почему вы знаете русский язык? Вот, собственно, и все. А этот самый мужик... а ему подают, ему подают на первое — харчо, на второе — там битки какие-то, шницель, на третье — компот...

Он все жрет, жрет, жрет. Жрет, значит, он с невероятной быстротой и мне подмигивает: так, мол, сынок, так — не продавай Родину, мол...

Так мы просидели, в общем, скучно, потом он говорит... ну, я говорю, не знаю, в общем, я вяло сижу, ну понятно, что, собственно говоря, он на меня посмотрел, повидал, меня увидел меня, какой я есть, увидел меня физически. Ни о чем, собственно, не спрашивал. Потом мы вышли, те тоже, конечно, вокруг бегают там. Он говорит: «Я бы вас пригласил в свой дом, но ведь там же, — говорит, — слежка». Я говорю: «Конечно, господин Шабад, какой вопрос — не надо». Так мы с ним и расстались. Жил он в доме, принадлежащем американскому посольству, на Садово-[Самотечной], там большой дом, где живут они,

он туда и уехал. Ну, все. Никаких последствий не было, Родину же я не продал...

Ю. С.: Ну, мужичок зато...

Б. Р.: Мужичок зато нажрался вовсю и получил, наверное, деньги за это.

Ю. С.: Да.

Б. Р.: Вот такой яркий пример. Значит, так. Теперь. Я, конечно, пользовался всякой возможностью для путешествий.

Ю. С.: Подождите, вы там, ну, как-то упомянули докторскую...

Б. Р.: Да, конечно... назревала необходимость... сейчас мы к ней перейдем. Уже набралось достаточно фундаментальных статей, и теперь я готовлю докторскую диссертацию на тему «Пространственная дифференциация и районирование». На первом месте там стоят основные процессы пространственной дифференциации — это такая схема, которая изображает пространственную дифференциацию всего сущего... Вот она, эта схема, и она здесь рассматривается, все сводится к двум процессам: концентрации и стратификации, а остальные процессы, как цвета радуги, они из смешения двух этих выводятся. Чисто теоретическая схема, она не получила никакого отклика в науке, но для меня она важна, потому что на ней основаны все остальные вещи. Дальше, я хочу, чтобы ты перелистал эту книгу и понял, чем я, собственно, занимался в течение этого семилетия, ты можешь сейчас свои впечатления в микрофон говорить... А я пока даже отойду на время.

Ю. С.: Нет, ну вы расскажите о докторской...

Б. Р.: Так вот она, собственно, вот это то, что в нее и вошло... Ну, не совсем все, но большая часть. *(Показывает.)* Вот это вот, вот это вот вошло. Я стал готовить докторскую диссертацию на тему «Пространственная дифференциация и районирование» и стал защищать ее на общефакультетском ученом совете, в котором преобладали физико-географы, океанологи, почвоведы и другие.

Ю. С.: Ну, и как это все происходило?

Б. Р.: Происходило это так. Наша кафедра была настроена очень хорошо, в общем, никто не сомневался, наверное, в том, что у меня это осуществится, потому что было все заготовлено уже для банкета на кафедре, и цветов, и жратвы было много. Но на кафедре. Аудитория... кажется, восемнадцать с чем-то там, ну, сейчас скажу... Как она на восемнадцатом этаже называлась... Давай мне эту книжку, тут у меня все написано... вот. И аудитория... присутствовало триста человек...

Ю. С.: Ого!..

Б. Р.: Люди стояли на подоконниках...

Ю. С.: О!!!

Б. Р.: Студенты были уже к тому времени... уже появились у меня, ну, не то, чтобы... какие-то молодые поклонники, студенты... Я развесил свои гигантские самодельные чертежи на картоне, сделанные цветным карандашами, акварелью, с гигантскими буквами, сделанные все-таки кустарным образом... никаких чертежников у меня не было. Может, тоже производило так... не очень хорошее впечатление... с непривычки. Это было в 73-м году, тоже в июне... тоже в 73-м году... *(Листает книгу.)*

Ю. С.: А что вы ищете?

Б. Р.: Ну, все-таки само описание всего этого события тоже ведь есть... Так, сейчас... Так, в общем, короче... Я выступал... Там на ученом совете было человек двадцать с чем-то. Я помню, как один член ученого совета... Там, в ученом совете люди были мне чуждые совершенно, с других кафедр. Здесь еще и сыграл роль антагонизм между кафедрами, потому что там был антагонизм, нашего профессора Саушкина на других кафедрах не любили, не любили вообще экономическую географию все остальные физико-

географы. У них были для этого основания, они считали, что география, как естественная наука прекрасно развивалась без марксизма-ленинизма. В 30-х годах к ним присоединили экономико-географов, начался марксизм-ленинизм, начался разгром, погромы, которые, впрочем, к счастью, мало затронули, нашу науку, но антагонизм такой существовал. У нас был объединенный ученый совет, где океанологи, почвоведы должны были тоже решать мою судьбу. Я помню, как в разгар защиты вбежал один из них и сказал: «А, кто там защищается? А, этот...», и пальцем так сделал, что сумасшедший, проголосовал против и убежал. Короче говоря, я не получил даже простого большинства.

” Диссертация была завалена с треском, но спрашивается, почему же наш Юлиан Глебович Саушкин этого не предвидел. Он настолько витал в облаках и даже вся кафедра вместе с ним, что они этого не предвидели.

Наверное, сейчас я, умудренный опытом, сам бы это предвидел. Но так вот получилось. Ну вот, несолоно хлебавши, вернулся я домой, мама у меня, конечно, ахает... тут костюм на мне, галстук... Да, после этого вряд ли я его носил. Это было в 73-м году. Там у меня первая жена Лида уже хлопочет, значит, она была лаборанткой нашей кафедры. Там все такое, в общем... я туда даже не зашел, на свою кафедру, собрал я в металлическую трубу свои чертежи, а их было огромное количество, они же были вложены в металлическую трубу алюминиевую длиной в два с половиной метра, с которой сейчас бы вахтеры не впустили бы в МГУ, тогда можно было все. Но это я там оставил, а потом забрал, вот так это все лопнуло.

Ю. С.: Ну, трагедия была или как вы это пережили?

Б. Р.: Ну, как трагедия? Особой трагедии для меня не было. Я не знаю, я же всегда все-таки готов к провалу. Я не могу сказать, что моя жизнь после этого шатнулась или переломилась, но после этого наступил большой застой, потому что в это время я как раз был влюблен в одну девушку и я в это окунулся, в общем... Тут у меня была любовь, я вообще днем и ночью около нее висел на пожарной лестнице, там в окно смотрел, как она переодевается... На прогулки ее водил. Уже целый год я был в этом угаре, то есть любовный угар на целых два года. Ну это же сложности семейной жизни, тут первая жена, ну, много чего, это все никого не касается.

Ю. С.: Ну, то есть все это как-то...

Б. Р.: В общем, надолго я это отставил, получился у меня такой застой... Дальше начался, как бы серебряный период моей жизни. Я остаюсь на кафедре... Да, дальше-то что? По всем правилам нужно было так... Нужно было повторно через полгода подавать, и к этому времени-то как раз этот ученый совет и был расформирован, и было уже установлено, что теперь будем защищаться только на своей секции — экономико-географической, три кафедры.

” И здесь вроде передо мной уже была, так сказать, открыта зеленая улица, но я-то психологически уже на все махнул рукой, я тут любовью занялся. Я упустил такую возможность, такую возможность упустил. И дальше шли годы, один за другим. У меня выходили из печати статьи, но уже более низкого качества.

Ю. С.: Вы продолжали работать на кафедре?

Б. Р.: Да, конечно, я был... Я был старший научный сотрудник лаборатории районирования кафедры экономической географии географического факультета МГУ. Вот тут я увлекся темой науковедения, тоже есть свой личный опыт. Потом дальше у меня возникли благодаря связям моих коллег, Шупера

и Каганского, я участвовал во множество неформальных всяких... этих...

Ю. С.: Семинаров?

Б. Р.: Конференций. Тут у меня было сближение с философами, с архитекторами, с биологами. Потом, Чебанов — универсальный ученый в Петербурге, который соединял биологию с экономикой. Оттуда вышли такие деятели, как Найшуль — соратник Чубайса, который придумал ваучер, а сейчас впал в православие. Много чего такого было, то есть и биологи, и всякие эти неформальные конференции. Потом, поселок Борок в Ярославской области на берегу водохранилища, который унаследован был от революционера Морозова и которым одно время управлял Папанин. То есть эта жизнь все-таки была ключом, она... Ну, постепенно я... Я не могу сказать, что я сразу же после провала диссертации я впал в какую-то там кому или что-то еще... Нет, я не впал, потому что у меня была еще другая жизнь. И вот была после этого попытка вторично защитить диссертацию где-то в середине... в конце 70-х или середине 80-х. Все это потом можно выяснить, но неважно. Но здесь вот дело как обернулось. Значит, уже у меня почти готова была опять диссертация для защиты, очень похожей текстом на эту. Но, видимо, заглавие, готовилось уже другое, не фундаментальное «Пространственная дифференциация и районирование», а типа «К вопросу о пятой ноге... о пятом волосе на шестой ноге» там кого-то того-то на примере чего-то такого. Ну, правда, не такое, все-таки, это для кандидатской заглавие, я сейчас точно не помню. Уже готово, готово было в 70-х годах, или в конце 70-х. Ну, тут произошла история...

На встрече выпускников. 1975 г. Архив Б. Б. Родомана

Ю. С.: То есть что — написали заново, что ли?

Б. Р.: Я сейчас точно не помню, да... нет, нет, вообще нет, видимо, это была стадия обсуждения еще только, но я не помню сейчас, но, в общем да, что-то в этом роде, не совсем заново, но у меня столько вариантов

было, десятки вариантов.

(Техническая пауза в разговоре.)

Ю. С.: Отношение на кафедре к вам как?

Б. Р.: На кафедре у нас был режим авторитарный. Саушкин, его многие любили, но он правил нами, не как диктатор, а как императрица Екатерина, вот так примерно. У него был мягкий такой авторитарный режим. Люди, которые его не любили, там на кафедре не оставались, противников своих он оттуда тоже выживал, и они оттуда вылетали. А те, кто его любил, в общем, там оставались, им было там неплохо. Я сейчас хочу все-таки зачитать абзац в качестве приложения к этой книге... есть же хорошее... я все-таки хочу немного зачитать. «На геофаке власть и влияние Юлиана Глебовича Саушкина не выходили за пределы трех экономико-географических кафедр. На общефакультетском ученом совете мне провалили защиту докторской диссертации в 1973 году. Ходил слух, что так мстили за Александру Ефимовну Федину, которую завалил Саушкин»*. Та самая Александра Ефимовна Федина, которая, будучи аспиранткой, раскрашивала эту карту Кавказа, вот она. Она, уже к тому времени, совсем уже не молодая дама, должна была тоже стать доктором наук, но Саушкин ей помешал, потому что у нас был общий совет и судьбу океанологов тоже решал Саушкин. «Отольются Родоману Шурочкины слезы. Обстановка на защите была необычной. На нашей кафедре почти все искренне и наивно ждали триумфа и готовились к большому празднику. Ю. Г. Савушкин ликовал заранее. Присутствовало более трехсот человек, молодежь стояла на подоконниках. Хозяин советской невоенной картографии [К. А.] Салищев, концепции которого я усердно развивал, усмехался в первом ряду и постукивал пальцем по виску. Один член ученого совета заглянул в дверь: „Кто там защищается? А этот... Типичный параноик!“ Проголосовал против и убежал. Аргументированно опрокинуть меня было поручено Кириллу Вячеславовичу Зворыкину, с которым я, как мне казалось много лет успешно сотрудничал». Это с ним же я был и в Днепропетровске в экспедиции МГУ, и все. Ну ему то было и поручено меня завалить. «Остальные выступавшие мою работу только хвалили. В результате я не набрал в свою пользу даже простого большинства голосов».

* Б. Б. Родоман цитирует собственную книгу «Моя жизнь в географии». // <https://www.proza.ru/2016/12/22/1887>

Ю. С.: Ну, а он каким-то образом...

Б. Р.: Ну, были у него аргументы, конечно. «На следующий год ученый совет разделился, и наша секция готова была меня принять». Уже на следующий год. «Но мне опротивела эта возня, я отдыхал два года, предаваясь другим увлечениям, а потом меня закружили роковые перемены в семейном положении, вынужденный переезд на новую квартиру и тому подобное. Лишь в 1981 году я вторично представил докторскую диссертацию к защите, но в тот момент мой намечавшийся оппонент Юрий Владимирович Медведков заявил о намерении эмигрировать». Медведков, которого мы все считали чистокровным славянином, объявил себя евреем и вместе со своей женой Олей Иерусалимской решил эмигрировать. Решил он потому, что он обиделся на нашу власть. Однажды, когда он приехал на одну из конференций из Женевы, где он постоянно работал, его обратно в Женеву не пустили. А такие обиды, они не проходят даром для советских заграничников. Ну вот, значит, и Медведков все время портил отношения с властью, и в конце концов лопнуло. Он дал возможность защититься Шуперу, а меня уже не дождался, объявил, но у меня еще не было так готово. Объявил себя, в общем... Тут в Институте географии, что произошло. Его перевели на должность младшего научного сотрудника и назначили ему рабочий день четверг. В этот день всем было запрещено являться на работу в институт, он один там сидел и «работал». Так продолжалось несколько месяцев, если не лет. Были какие-то демонстрации, вмешивалась там и радио «Свобода» и все, и в конце концов он уехал. Вот этот вот скандал сразу опять нанес удар по моим намечавшимся уже работам. Дальше что произошло? В 82-м году скончался мой покровитель Юлиан Глебович Саушкин, в 82-м году он скончался. Я понял, что всё, я отсюда вылечу при первой же возможности, у меня уже больше не было покровителя. Юлиан Глебович Саушкин умер все-таки не в таком уж старом возрасте, но он был участник войны, во время войны он был ранен... что-то у него там было с рукой. Это был, конечно, блестящий ученый, у меня о нем есть воспоминания. Манеры

его были очень оригинальны. Ведь когда меня брали на работу на геофак, я говорил, что там собрался целый синклит, и говорили: «Ну как же так, что он же кидался чернильницей в Высшей партийной школе!»

И Татьяна Михайловна Калашникова сказала, что мы никогда не доведем товарища до этого, а что сказал Саушкин? Он сказал замечательную фразу: «Кто из ученых не отличался странностями? В конце концов, нам нужны мозги».

После этого декан сказал: «Ну ладно, на вашу ответственность». Юлиан Глебович Саушкин подражал Владимиру Ильичу Ленину своими манерами, а также не отрицал слухи о том, что он является возможно его незаконным сыном или что-то в этом роде, это были только слухи, но он их никогда не опровергал. Очень странные манеры у него были, во всяком случае, он был один из немногих преподавателей, которых приятно было слушать. Он завораживал своими выступлениями, конечно, это был блестящий лектор, конечно, он из старой московской интеллигентской семьи. У него было интеллигентское московское произношение, которого не было уже у нас. На нем и держалось. В последние годы, может быть, Саушкин ко мне немного охладил, ему тоже стало казаться, что я, собственно, ничего нового не напишу, что это несколько провинциально, потому что я и английского языка не знаю, за литературой не слежу, и вообще все это как-то вот... Но тем не менее я там держался, но когда Саушкин скончался в 82-м году, то мне было ясно, что мои дни там сочтены.

Уход с геофака

И вот перед очередной переаттестацией в 84-м году я оттуда вылетел. Ну, произошло это так. Новый заведующий кафедрой Анатолий Тимофеевич Хрущев которого я откровенно не любил и который откровенно не любил меня... На его какие-то слова я тоже как-то ответил довольно-таки бесцеремонно... Что это вас не касается, в общем, я не намерен слушаться вас и все в таком духе. Такие вещи в нашей стране никогда никому не прощаются, и было ясно, что я уже вел себя скромно, тише мыши, никуда не вылазил. Вот мои лекции по науковедению, на которых присутствовала Таня Герасименко, которая [теперь] живет в Оренбурге, были последним, видимо, моим ярким выступлением на геофаке, это было тоже в начале 84-го или в конце 83-го (*на самом деле – осенью 1982. – Б. Р.*). И вот в 84-м году я был на конференции в Смоленске. Приехал домой в день моего рождения — 29 мая, и мне сказали, что вот они... Да, перед этим еще весной они уже стоял вопрос: оставить меня на кафедре или нет. Я им показал в качестве доказательства целый текст своей монографии, вот этой, которую мы сейчас видели. Она уже к тому времени была готова... почти... И младший персонал сказал: да, конечно, меня на кафедре надо оставить. Но это никакой роли не сыграло... И в свой день рождения — 29 мая 84-го года я получил вот такой вот подарок. На самом деле...

Ю. С.: Какой такой подарок?

Б. Р.: Ну, изгнание из МГУ. Мне было объявлено, что я, так сказать, не переаттестован, или чего-то там еще. Должность же старшего научного сотрудника, она же была выборная... Это же переаттестация систематическая. Ну, как у меня тут написано. «При очередной переаттестации в 1984 году новый заведующий кафедры экономической географии СССР [А. Т.] Хрущев, заручившись поддержкой декана [Г. И.] Рычагова и проректора [В. А.] Садовниченко изгнал меня из университета, чтобы взять на мое место [С. П.] Москалькова». Ну, решил взять человека, который будет там что-то делать, на него работать. Сколько же можно меня терпеть, совершенно независимого человека, который занимается только своим делом, и никому ничего не обещает, никому не служит? Ну, это же понятно... Ну, вот так.

На сей раз не помогла мне и обычная поддержка Татьяны Михайловны Калашниковой и положительное заключение всей кафедры. Перед этим мы выпустили сборник «Географические границы». Также, кажется, в этом году или в 82-м, издательством МГУ, и оно было... Его деканат, в общем, счел скандальным, потому

что там никто не был привлечен из корифеев, никто из крупных профессоров привлечен не был. Но это был сборник как бы молодых ученых, но предисловие было мое. На первом месте даже была не моя статья, человека уже остепененного к тому времени, а Володи Каганского, никому не известного студента. Но статья тоже фундаментальная, эпохальная, на нее сейчас ссылаются очень многие. Это все провернули, а потом начальство, как всегда, спохватилось: как это мы допустили, как это могло быть? И там моим, так сказать, помощником был некий Борис Эккель, тоже молодой ученый, член КПСС, служивший до этого в армии. И тут написано, что он меня тоже предал. «Соратник мой [Б. М.] Эккель отрекся от меня на партбюро и тоже проголосовал за мое увольнение». Ну, естественно, в советское время же так все и делали, как могло быть иначе? «Впоследствии этот талантливый ученый изменил науке и занялся коммерцией, он стал антикваром». Но он подавал надежды. У нас подавали надежды кроме Каганского еще люди, которые понимали теоретическую географию, могли ею заняться. Это вот Эккель, но он стал антикваром... Это Гоша Васильев, всесторонне талантливый человек, который был администратором, потом он был администратором и антрепренером «Норд-Оста», это тот же самый Васильев с кем-то там еще. Но они избрали себе другую, более широкую арену, как раз Васильев тоже был одним из тех людей, которые могли бы быть крупными учеными, но они выбрали более крупную карьеру. И вот я был изгнан, причем (это же потом утверждалось на большом ученом совете) тут зашевелились мои друзья, тут философы там разные... Шрейдер там, Розов, в общем все, кто-то из них пришел даже на это заседание. А там ничего, мне даже слова там не предоставили, все так было быстро, машинально. Все утвердить... дальше... целая куча была людей, там десятки людей там утверждались, кто куда, на какую должность, все быстро. Ну, и все... Мне было сказано, что у меня до осени еще что-то там сохраняется, все не сразу же так. Летом я не приходил на геофак, а там еще был такой обычай — летом меня туда даже не пускали. Дело в том, что летом там был очень темный процесс принятия студентов, и всех людей, которые к этому не имели отношения, вообще не пускали в университет летом, чтобы они не мешали. Потому что и тогда уже была коррупция, в советское время вузы тоже были в одном из первых рядов как по степени коррупции, и этим занимались совершенно другие люди, и в том числе и на нашей кафедре. На каждой кафедре были люди, которые были причастны к этому грязному процессу — поступлению кого-то там в вузы, посторонних туда не пускали. Поэтому нас просили, не просили — буквально приказывали в течение трех месяцев не приходиться на факультет летом. Так что летом я вообще туда не ходил, ну, и тут так же тем более. Ну, тут у меня были разные приключения в личной жизни и в 82-м году у меня тоже были какие-то путешествия.

Поездки 1984 года. Работа над чужой докторской

Сейчас я скажу, что у меня было... Это в 84-м, я описываю же 84-й год. Так, были у меня дальние путешествия? Нет, дальних особых не было, если не считать Эстонию. Весной мы были в Смоленске... Вот, потом прошло лето. И тут обо мне позаботились мои эстонские друзья, потому что в Эстонии я пользовался большой известностью, я был там не меньше... у меня там не меньше четырнадцати, по-моему, публикаций на русском и на эстонском языке. Был я тоже там раз [пять], там меня очень уважали, я печатался в популярном журнале *Eesti Loodus*, это значит «Природа Эстонии»... На эстонском языке в переводе, а на русском языке — в трудах Тартуского университета, потому что у меня там тоже были статьи. Надо сказать то, что я публиковал в Тартуском университете, это было тоже перед первыми вариантами вот этих статей. Ничего особенного я там не опубликовал, чего бы не было опубликовано тут в наших журналах центральных. Ну, это были варианты. Меня там уважали. И вот они меня пригласили осенью на конференцию, сказали, что мне все оплатят. Я уже тут перешел как бы на положение нищего. Тут, по-моему, считалось, значит, так.

Мне предсказывали карьеру истопника или дворника, как диссидентам, что я буду уволен, меня никуда на работу не возьмут. Ляля даже собирала желуди в парке для моего прокормления.

Часть этих желудей я спрятал в баночку, они где-то у меня стоят. Ну, значит, лето так прошло у меня... У меня там был какой-то роман с девушкой из Ленинграда. А осенью меня приглашают в Эстонию. Да, в сентябре, в начале сентября я последний раз посетил геофак МГУ, забирая свою трудовую книжку и еще чего-то, и поклялся, что нога моя больше никогда не ступит на географический факультет. С тех пор я там не был.

Ю. С.: Не были?

Б. Р.: Нет. 84-й год, а в 14-м году сколько это будет уже... тридцать лет, да?

Ю. С.: Тридцать лет, да.

Б. Р.: Хотя некоторые утверждали, что я там был замечен. Это неправда, я за это время один раз проходил через холл, потому что я в общежитие ходил к одной девушке, на которую тогда клал глаз... Это было в году в 90-м. Еще был случай, когда меня пригласили прочесть какую-то лекцию одному иностранцу, я читал ее в другом помещении, потому что мое табу или табу, как надо говорить, не распространяется на другие корпуса, оно распространяется только на центральный комплекс. Не могу же я не ходить на философский факультет, поэтому там да, на территории философского факультета, Второго корпуса гуманитарного МГУ, там я бывал много раз и сейчас могу туда зайти. А туда — нет, я сказал, больше никогда, я туда больше не заходил.

Ну, поехал, значит, я в Эстонию. Я мог бы рассказать о десятках конференций, но я расскажу об этой, которая, так сказать, была для меня некоторым утешением. Это было около Хаапсалу, там был такой заповедник (*Матсалу — Б. Р.*), там был дом со спальней для посетителей заповедника. Но вначале я приехал в город Тарту, где я бывал много раз, там был у меня поклонник Юло Мандер, он — кандидат наук, может сейчас уже доктор, он в Эстонской сельскохозяйственной академии работал. Вот мы договорились, что я встречу с ним в его квартире, потом мы поедем... И я ему сказал, что мне одному будет скучно среди эстонцев, конференция на эстонском языке, мне дадут выступить на русском и все, а дальше — все на эстонском. Я говорю, что я хотел бы взять с собой девушку, чтобы мне не было там скучно. Они сказали, что да, девушку примем и прокормим. Дал сигнал я Любе, девушке полувзрослого поведения из Ленинграда. Она приехала тоже туда, она приехала туда на несколько часов раньше меня и, когда я явился в квартиру Юло Мандера, то там она уже лежала в постели... Я думаю, что может... Ну, понятное дело. А потом нас повезли в [в Матсалу] в хорошей легковой машине. Там замечательный ландшафт, такие луга, заливаемые морем, все так здорово. Ну, что там — конференция была на эстонском языке, я со своей поляризованной биосферой там выступал, я приготовил красивые чертежи и надписи все приготовил на эстонском языке, а это было для меня не трудно, поскольку у меня статья была уже опубликована в Эстонии в журнале *Eesti Loodus*, я просто перенес все эти надписи, поэтому, сейчас, глядя на этот чертеж, некоторые спрашивают — на каком это языке, почему... Нет, это не английский язык, это эстонский. Там меня поняли, в общем, окружали всяким почтением, и ее как считали что ли моей женой тоже, в общем, но она с ними там нашла общий язык и под конец кончилось тем, что мы уже возвращались врозь, ее увез в Таллин, по-моему, Аасмяэ, который потом стал мэром Таллина... Один из географов увез, куда дальше она там делась, я не знаю. А я... Хотя она мне, правда, писала письмо, даже утешительное, в том смысле, что не горюй, что тебя изгнали из МГУ и все такое. На самом деле у нас с ней больше ничего не продолжалось.

Я вернулся сюда, что же дальше? Я безработный, я к этому времени уже живу один, мама у меня умерла.

Ю. С.: Мама долго болела?

Б. Р.: Нет, она долго не болела, за ней не надо было ухаживать, она болела только три дня. Это было так здорово, ты понимаешь, как ее хватил инсульт последний, так она три дня лежала и все, потом умерла... Только три дня. Более того, мне кажется, что после ее смерти я даже доедал обед, который она приготовила. Ну, что-то в этом духе, в общем... Так, что с этим все было хорошо. Значит, вот такое лето... ну, это было раньше...

Ю. С.: А сколько ей было?

Б. Р.: Восемьдесят шесть.

Ю. С.: Солидно.

Б. Р.: Ну, не мало, но и не много... Женщины в роду моей мамы так и жили столько лет, мужчины жили меньше — восемьдесят два, восемьдесят один, потому я и тревожусь, потому что мне кажется, что мне не суждено жить больше такого возраста. Ну вот, у меня 29-го ноября будет, как я уже сказал, полуюбилей, ровно половина между 80 и 85... Это будет 29-го ноября. Может, я до этого еще доживу. И тут идет осень 84-го года. Друзья волнуются, что со мной будет дальше. Ну, как написано: «В диссидентских кругах мне предсказывали длительную безработицу, карьеру истопника и писательства в подполье». Но было несколько лучше. Ну, может быть, даже и деньги собирали какие-то и «друзья направили ко мне „соискателя“ из одной юго-восточной республики. В течение года доход от него был таким же, как от моей зарплаты в МГУ».

Ю. С.: Из Азербайджана, что ли?

Б. Р.: Да, ко мне пришел товарищ из Азербайджана, и он мне сказал, что у него прекрасная тема «Стихийные бедствия».

 Благодаря этой работе над его диссертацией я тоже понял, что такое стихийные бедствия. Это вовсе не природные явления, а это результат столкновения человеческой глупости и жадности с природными явлениями.

Ну вот возьмите сегодняшнее наводнение в Приморье, ну, это же понятно, что только потому, что строятся не там, где надо. Ну, ведь еще в традиционной культуре люди не строились в поймах, которые затопляются, не ставили там домов. А сейчас жадность и глупость заставляют людей строить дома на заведомо непригодных для этого местах. И пусть хоть раз в сто лет, но там бывает наводнение, и природа справедливо расправляется с людьми, которые это сделали. Ну вот, немножко подковался я по этой теме...

Ю. С.: У него кандидатская была или докторская?

Б. Р.: Докторская, конечно. Когда он явился в моей труппной квартире, где я в результате развода с первой женой поселился здесь в этом районе, около Тимирязевской академии, он, не говоря ни слова, поставил мне на стол бутылку коньяка и мешок с фруктами. После этого мы приступили к деловому разговору, и он мне сказал, что азербайджанский язык прекрасно приспособлен для выражения научных идей, что это прекрасный язык для науки. Но, к сожалению, правила требуют, чтобы диссертация была на русском языке, поэтому, говорит, вы мне поможете в этом отношении. И то, на чем мы сторговались, у меня доход был абсолютно такой же, то есть если я там получал 160 или 200 в месяц уже тогда... Нет, уже, может быть, 160... Не помню, какие тогда были деньги — я от него столько же получал. Значит, я зажил более менее припеваючи...

Ю. С.: То есть это у вас год было?

Б. Р.: Да, около года это тянулось...

Ю. С.: И он защитился нормально?

Б. Р.: Да, конечно, защитился на той кафедре, на которой мне не удалось защитить диссертацию, потом стал замминистра или чего-то, как положено... Ну, дальше его следы теряются... Причем я, строго говоря, не писал за него диссертацию, я ее редактировал, потом автореферат еще, по-моему, писал.

Ю. С.: То есть она все-таки была написана?

Б. Р.: Ну, что-то было там, конечно, я же ничего... Я специально не ломал свою голову, нет, я не ломал... Мне не нужно было идти, я не ходил в библиотеку, я не изучал этого предмета, нет... Все по его тексту. Я ее редактировал, и автореферат, по-моему, я писал за него. Причем я ему сказал, что все говорили, что прежде, чем защищать диссертацию, напишите автореферат, это очень важно. Ну, в общем, он этим был доволен, систематически ко мне он заходил. Тянулось это долго — около года.

Работа в Институте генеральных планов Московской области. Жизнь после смерти матери

Ю. С.: Он жил в Баку?

Б. Р.: Да. Вот это второе. Значит, есть такой институт... Да, что еще? Потом... Я ездил в командировку от журнала «Знание — сила» на конференцию, организованную Институтом географии где-то. Тоже сейчас не помню куда, но ездил на эти средства. Но это дохода не приносит. Дальше, мой ученик Карпель приютил меня на время на работу в Институте генеральных планов Московской области, где я редактировал записку по охране природы. В частности, проект Радонежского национального парка или заказника. С этим проектом его автор до сих пор работает у нас в Институте наследия, до сих пор рассказывает о нем, как о проекте, который должен быть осуществлен. Но он так и не осуществлен, с тех пор прошло уже лет 30 или 40, но он по-прежнему о нем только и говорит в нашем Институте Наследия.

Ю. С.: Ну, это главное дело его жизни.

Б. Р.: Да... это дело его жизни. У него все так было здорово придумано, но все рушится, кладбища, в общем, неправильно хоронят, вал — сломали, попы дом построили. Так это все мы переживали. И вот я тоже был редактором этого, но не могу сказать, что институт этот меня нагружал. Нет, я туда тоже не ходил, конечно, на работу, ходил только по делу... И на работе я был временный. У меня там хорошая должность была — старшего инженера или еще чего-то. Ну, на три месяца, а потом опять перерыв в работе, через три месяца опять. Так раза три, наверное, мне делали. Он хотел даже меня сделать ГИПом — главным инженером проекта — ну, это уже слишком. Значит, вот это мне приносило... Короче говоря, мой доход не был ниже...

Ю. С.: А в Институте географии вам не хотели помочь?

Б. Р.: Конечно, всякий раз, когда со мной что-то происходило, всегда стоял вопрос, а почему же меня не взять в Институт географии. И всегда тот человек, от которого это зависело, уходил в кусты.

Ю. С.: От кого это зависело?

Б. Р.: Я сейчас уже не помню.

Ю. С.: От директора...

Б. Р.: Нет. Гораздо на более низком уровне.

Ю. С.: Seriously?

Б. Р.: Да. Вот еще в ранние времена, например, Алексей Александрович Минц, которого очень любили и который был заведующим отделом там. Тоже, когда меня... Когда у меня произошел скандал с чернильницей и когда я уходил из... увольнялся из издательства «Мысль», тоже стоял вопрос, может мне лучше пойти в Институт географии, но Минц тоже тогда уклонился от этого... Уклонился и все. Ему, как и каждому начальнику... У него были свои планы, кому нужно это было. Вот так же, хотя я с ним поддерживал приятельские отношения... на ты. И так во всех таких вот случаях, как правило, в общем,

уважаемые коллеги... Ну вот Карпель меня подобрал... У Карпеля в Институте генеральных планов я зимой получал зарплату, плюс от этого азербайджанца, в общем, беден я не был, я жил в свое удовольствие.

” Но после смерти моей мамы моя квартира из двух комнат превратилась в притон, потому что у меня был один приятель, Володя Брусиллов, он водил ко мне чудовищное количество девушек, чудовищное через нас прошло...

В общем, через все это мы прошли. Там творилось черт-те что. В этой квартире слухи уже нехорошие ползли о нас, ну ничего, все обошлось. Милиция не вмешалась, наверное, они с ними наладили какие-то отношения. Так вот я позвонил одной из своих знакомых девушек по имени Алиса, спросил у нее, как она там поживает, есть ли ей где жить в Москве. Она немедленно сказала: «Я поселюсь у вас». И мы договорились, что она будет жить у меня на квартире и платить мне один рубль в сутки.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Но она приехала не одна, а с какой-то Анькой, следовательно, они платили мне по 50 копеек в сутки. Ну вот, я выделил одной кровать мамину, другой — раскладушку и у меня в течение года была очень веселая жизнь, то есть я жил вот с этими двумя девицами. К ним приходила молодежь в гости. Например, к нам приходил какой-то гомосексуалист по фамилии Рейзен-Непомнящий. Он нам даже яичницу готовил, в общем, была какая-то богема. То он у нас ночевал где-то на полу на лестничной клетке, но ничего страшного не произошло. Что касается грабежа и всего — я не досчитался, наверное, десяти или пятнадцати книг из области художественной литературы, то есть у меня украли хорошие книги, может быть, Салтыкова-Щедрина, еще чего-то, но советского издания, ничего особенного у меня не было.

” Когда у меня взяли потом книжку эти же студентки для своего дела «Этнография народов СССР», я на каждой странице написал фломастером: «Украдено у Б. Б. Родомана». И представь себе, мне ее вернули через год или через два, она у меня дома и сейчас есть.

Ну, вообще это была веселая жизнь. Конечно, как сам понимаешь, как в случае после провала диссертации — у меня была любовь, так и здесь вот у меня жизнь была веселая. И я на этих чиновников, на государство я наплевал как только мог... Вот и хорошо. Тебе тоже советую...

Ю. С.: Ну, работа то при этом как-то все-таки затормозилась?

Б. Р.: Какая работа?

Ю. С.: Научная.

Б. Р.: Нет, у меня шли публикации. Вот мы сейчас посмотрим, что это были за публикации, какие это могли быть публикации в эти годы. Значит, как повторяю, в 84-м году я из МГУ был изгнан.

Публикации после ухода из МГУ

Ю. С.: А когда вы стали писать, вот такие статьи популярные?

Б. Р.: Да, это очень интересно. Я стал их писать в связи с теми процессами, которые произошли в нашей стране, а именно с гласностью так называемой. Да, я считаю, что основные сдвиги, которые привели к этой революции 91-го года, я считаю два стимула. Первое — это чернобыльская катастрофа, которая прорвала завесу секретности, то есть после нее пошла волна гласности. Потому что до того все такие

аварии скрывались. Это произошло, и скрыть было уже не возможно, а заодно, стали обсуждать все остальные проблемы. И второе, это борьба стран Балтии за восстановление своей государственной независимости. Скажем так, не за выход из СССР, потому что они не признавали этого теперь уже, а за восстановление государственной независимости. А в остальных республиках элита, так называемые правящие кланы, они решили: чем мы хуже? И просто поделили СССР... вот и все. Потому что остальные республики, они не созрели для такой независимости. А народ в Литве, Латвии, Эстонии — они очень культурные и спокойные в рамках еще существовавшего советского режима, они подготовили себе эту независимость. Это я знаю прекрасно, потому как я с эстонцами общался.

Ну вот, значит, так. 84-й год. Идут одни за другими публикации. «Экологические аспекты развития территориальной структуры Московского региона». А, это доклады... доклады идут, вот доклады...

Ю. С.: Простите, вот у вас нет официального места работы...

Б. Р.: Нету... как это... а тогда это не имело... а от Географического общества, почему, нет — это еще я там. Хорошо, какие были доклады после того, как я уже был безработным... хорошо. Так... вот я уже безработный с весны, так... «Поляризация географического пространства» (28 августа, Эстонская молодежная школа по теоретической географии), Хаэска, заповедник Матсалу. Это я сказал, где был со своей девушкой Любой. Все это неформально... «Пространственная дифференциация поведения людей при рекреационном природопользовании» (9 октября, Комитет по системному анализу при Президиуме Академии наук. Научный совет «Региональные системы», научная сессия «Рекреационно-экологические проблемы региона»). Берегово, Закарпатская область Украины. Кто мне оплачивал? Кажется, мне это оплачивал журнал «Знание — сила», видимо, я был послан от него корреспондентом. Так что я не пропал. Дальше, «Сезонные ритмы моей жизни» (21 октября, семинар в квартире [Ольги] Кузнецовой)... Ну, это же квартира... Дальше, «Эксцентриситет узловых районов» (14 ноября — семинар по новым методам Московского филиала географического общества). Дальше — «Классификация и районизация» (28 ноября, председательское выступление с демонстрацией чертежей на круглом столе «Классификация, районирование и картографирование», рабочее совещание по теории классификации, Пушино-на-Оке). Значит, продолжалось совещание по теории классификации и оно собиралось раз в несколько лет. Вот в Пушино-на-Оке я был, видишь, председателем даже на одном заседании...

Ю. С.: Кто-то приглашал?

Б. Р.: Вот какой-то комитет же был... и все. Ну, в Пушино-на-Оке мы ездили за свой счет, это же недалеко...

Ю. С.: Ну да.

Б. Р.: Ну вот, 85-й... Да, это доклады, теперь публикации. 84-й... Теперь посмотрим, какие были публикации сразу же после изгнания из МГУ. Мне кажется, что моя активность не уменьшилась, рук я не сложил. Так, значит, ну, публикации — они же запаздывают, по сравнению с тем, что написаны.

Ю. С.: Ну да, ну да.

Б. Р.: Ну, вот что у нас? 84-й год — это тоже... да, публикаций в 84-м году было мало. Ну, первое — «Социальный и экологический фундамент рациональной организации территории» («География и природные ресурсы», Иркутск—Новосибирск, 84-й год). Дальше — по-эстонски написано... «Думая о грядущих столетиях» — об освоении космоса и об охране природы, на эстонском языке. «Процессы поляризации в географическом пространстве» (Основные понятия модели и методы общегеографических исследований, Москва, Институт географии — это сборник, в нем вышла статья). Вот в 84-м году, возможно, она вышла, когда я уже был изгнан из МГУ. Дальше, «Модель Тюнена и теоретическая география» («Известия всесоюзного географического общества», номер пятый... значит, это в октябре). Вот, это вышло.

Теперь, если взять 85-й год. То есть идут статьи, написанные уже позже. Значит, так... 85-й год... я взял полностью — формально безработный в 85-м году полностью, но я обслуживал еще товарища из Азербайджана. В начале 85-го года я только был еще в институте Генплана Московской области,

остальное время я формально безработный. «Проблемы сохранения разнообразия и красоты сельскохозяйственных ландшафтов» («Сельское хозяйство и охрана природы», «Научные труды по охране природы», выпуск восьмой, «Ученые записки Тартуского университета») — Тарту... значит, Эстония опять. «Экологические принципы организации территории крупного города» («Охрана окружающей среды в городах. Научные труды по охране природы», номер девять, «Ученые записки Тартуского государственного университета»), опять в Эстонии... Дальше, «Вокруг науки об отдыхе» («Знание — сила» номер девять).

Ю. С.: Борис Борисович, а вот психологически жить, нигде не числясь...

Б. Р.: Нет, ничего страшного, я же в научном сообществе остаюсь, меня все знают, вот, ничего пока, я...

Ю. С.: Ну, как бы знают, но, с другой стороны, все как бы так... опускают глаза, потому что...

События 1985 года

Б. Р.: С другой стороны, да. Ну вот, дальше, что происходит. Значит, наступает 85-й год. Я живу в квартире со своими двумя девицами, которые...

Ю. С.: Полный бардак!

Б. Р.: Да. Нет, не совсем, они обе стали, как бы моими женами, обе, потому, что я с тех пор пришел к такому выводу, может быть шуточному, что если иметь жен, то лучше двух.

Ю. С.: Безусловно...

Б. Р.: Ну, лучше всего, чтобы они были между собой, в общем, подруги и ко мне приставали поменьше, чтобы у меня было обязанностей меньше. Значит, как мы с ними жили? Душа в душу, правда, Аньку пришлось заменить на другую, Галю, потому что... ну, не важно... В общем, короче говоря, Галя у нас там была еще. Вот, Галя — она была студентка... Значит, Алиса... прежде всего, Алиса была студентка МГУ, а не кто-нибудь, и студентка факультета журналистики. Она без конца писала одну статью «Кто съел покойника». Она специализировалась по археологии, а там каких-то, в общем, дьяковцев, что ли, какая-то такая была культура, нигде не обнаружено покойников...

Ю. С.: Дьяковская.

Б. Р.: Да, покойников не обнаружено. Отсюда гипотеза, что они съедали своих покойников. И вот она все эту статью в течение года пыталась опубликовать и никак ее не публиковали. Ну, ладно, это была Алиса, с ней было много разных историй, у нее раньше вроде был ребенок, вроде был муж, и все такое, чего только с ней не было. А другая была Галя, она была тоже из МГУ, она была антрополог, биолог, с биологическим образованием... Она занималась биологической антропологией. А так как уже все расовые признаки были изучены, она по группам крови, в общем, занималась. Вот они обе были моими женами, и мы там, в общем, у нас было такое домашнее хозяйство хорошее. И вот в разгар этой весны 85-го года происходит такое событие. Мой коллега Борис Хорев, который мой [однокурсник], он женился вот на моей, на девушке, в которую я был влюблен, в Юлию Ласис, отбил ее у меня, можно сказать... Да не отбил, в общем... Короче говоря, вот он... У меня с ним отношения были двойственные, но врагом он мне никогда не был... Врагом не был, другом, вроде тоже был, а вроде, не был, потому что он ко мне приходил домой и говорил, как он уже не любит свою Юлю, как он хочет от нее избавиться, как он в пьяном виде говорил: «Борис, я знаю, ты любил ее, возьми ее, она мне надоела». Ну ладно, в общем... Ну, короче говоря, у него были свои планы, он написал обо мне огромную статью в «Литературной газете». Эта статья занимала целую полосу, то есть огромную страницу «Литературной газеты». Называлась она так: «К переизбранию не рекомендован»*. О том, как в нашей науке что творится, и все, но меня он называл не моим именем, «назовем его Борисов»... так он сказал... И это была «Литературная газета», статья была очень хорошая, яркая. Он даже там писал, что я даже лично не являюсь его другом, я его даже в чем-то недолюбиваю, но, понимаете, всё наука, научные школы...

что надо было, все там, понимаешь, здорово было написано, шрифт даже не особенно крупный, ты можешь себе представить, какая это объемная статья.

* Хорев Б. С. К переизбранию не рекомендован // Литературная газета, 20 марта 1985 г., с 11.

После этого на факультете статья эта наделала переполоху, сначала там произошел вообще тоже фурор, меня изгнали, напоминаю двадцать... в конце мая — начале июня 84-го года... Статья вышла в марте 85-го, вышла она не сразу, ее отсрочили... Она уже была совершенно сверстана, но из-за политических событий в нашей стране ее откладывали. В это время пришел к власти Горбачев. И вот когда уже Горбачев пришел, с Горбачевым все было ясно, тогда уже, значит, мою статью обо мне с опозданием на две недели опубликовали. К опубликованию этой статьи Хорева также подстрекала его тогдашняя подруга Вера Глушкова, которая раньше была фавориткой Саушкина, ну, в общем, короче... да, статья эта вышла... Что дальше? Значит, вначале там немножко даже трусливо прореагировали, потому что чует кошка чье мясо съела, в общем, даже да. А потом они сказали так: это не газета «Правда», человек по имени не назван, то есть по фамилии, и нас это не касается... не знаю...

” И там немножко пошумели и повесили студенты эту газету на видном месте, деканат ее убрал, конечно. Ее тогда вывесили в мужской уборной, в месте, менее доступном для начальства, хотя начальство тоже мужского пола туда ходит.

Вот так интересно, такая вот волна всплеска была. Потом интересно еще что? Что когда меня из МГУ выгнали, я все-таки не удержался и написал большое письмо на имя кого-то, я не помню, по-моему, на имя ректора, в общем, еще что-то такое. Ну, мне еще говорили, что у Садовниченко, который был тогда проректором, была какая-то чистка и кого-то надо было убрать, в общем, надо было то ли уменьшить число работников МГУ, то ли чего-то там еще... я попал в эту кампанию. Потом я написал такую большую жалобную статью, то есть нет — большую жалобу я написал, она у меня есть, все это подробно описал, свои злоключения, о том, что меня кафедра же вроде одобрила, а потом вопреки этому решению меня изгнали, ну, и так далее. Меня подстрекал к написанию этой статьи один коллега по имени Джерпетов... Игорь Джерпетов, он не имел никакой ученой степени, но пользовался большим влиянием на факультете. Он меня подстрекал к написанию этой статьи, я по его наущению, с его участием, и написал. А потом оказалось, когда он умер, что он был лучшим другом декана Рычагова, который меня, собственно, тоже выгонял. Вот так интересно. И это письмо, как ни странно, теперь есть, опубликовано в интернете, а именно, есть такой ученый Рэм Баранцев, который в отличие от меня подвергался большим притеснениям в советское время. У него были какие-то заскоки, он интересовался нумерологией. Это учение об отдельных числах, об их значении, скорее, мистическом. Он был физик, впавший в мистику, тоже интересный человек, и он написал какую-то биографическую книгу и поместил ее в интернете, и в ней полностью мое письмо приведено тоже в качестве примера того, как преследовали ученых в Советском Союзе. Меня не так уж очень и преследовали, но это попало туда. Потом еще, однажды уже в разгар, в постсоветское время, я решил все-таки написать письмо в МГУ, чтобы там выяснили, почему меня, собственно, изгнали, или чего. И получил формальный ответ, что все было правильно. Это было уже в 90-х годах. Ну, тогда во главе МГУ... теперь стоит уже Садовничий, племянник генерала КГБ, вот, и, в общем, я сейчас считаю, что когда Садовниченко не будет, будет еще хуже, поэтому, может быть, дай ему бог здоровья, потому что там кто-то же сидит, кто будет вместо него, там уже все готово, и МГУ сейчас посадит уж кого... Если Садовничий, все-таки, имел хоть какое-то отношение к науке, он, возможно, ею занимался в молодости, то сейчас посадят, как в нашем Институте наследия из КГБ какого-нибудь просто чиновника на сто процентов.

Ю. С.: Скорее всего, да.

Б. Р.: Так оно и будет, а Садовничий уже очень немолод.

Ю. С.: Ну, я его вот видел раз в жизни, вот этим летом... Огурчик...

Б. Р.: Ну, дай бог ему здоровья... в общем, всего, а это я ему, так сказать, прощаю, потому что это, все-таки, не от него же шло... снизу... Хрущев... ну, правильно, ну, Хрущев — заведующий кафедрой, человек серый... Ну, что, собственно... он преподавал географию промышленности, я ненавидел этот предмет. Да и какая география промышленности, там же не говорилось о главной отрасли нашей промышленности — военно-промышленном комплексе, а как можно изучать экономическую географию...

Ю. С.: Он был какой-то эконом... чего-то, и, по-моему, он еще работал...

Б. Р.: Кто?

Ю. С.: Хрущев такой был...

Б. Р.: Анатолий Тимофеевич его зовут...

Ю. С.: Может быть...

Б. Р.: Какое он к тебе имеет отношение?

Ю. С.: Нет, он работал... Был такой институт, как бы...

Б. Р.: Ну, вот, 85-й год, значит, идет...

Ю. С.: Ну, экономический, там в министерстве...

Б. Р.: Да... 85-й год... Ездили в поселок Борок Ярославской области на второе, видимо, уже совещание по теории классификации. Вот интересно... Совещания по теории классификации, и чем они мне запомнились. Я с тех пор говорю всем, что есть два типа научных конференций. На девяносто девять процентов — это конференции, которые я называю отчетными. Это собираются люди и рассказывают каждый — свое... Что они написали за это время. Но есть один редкий тип конференций, на которых, наоборот, рождаются идеи научные. Приезжают люди неизвестно с чем, там они, типа мозгового штурма, даже не назову это мозговым штурмом, потому что мозговой штурм это организованная и целеустремленная дискуссия, а здесь этого нет, они просто общаются. И там рождается, именно, в процессе общения...

Ю. С.: Бывает?

Б. Р.: Рождаются новые идеи, после них уже пишутся статьи.

Ю. С.: Бывают такие вещи?

Б. Р.: Да, бывают такие конференции, но у нас они... редки. И вот там в Борке так и было. Там первый раз, когда была такая конференция, это было, по-моему, еще зимой, я не помню в каком году. Там тоже все кипело и бурлило, я там выставил на стенде свои эти формы районирования и всё. Ты знаешь историю этого поселка, вообще, Борок, нет?

Ю. С.: Ну, это было имение Морозова...

Б. Р.: Да, да. Морозова.

Ю. С.: Там, Ленин за него, сказал, что не трогать пожизненно.

Б. Р.: Потом, Папанин у него побывал...

Ю. С.: Институт... биологии... развития...

Б. Р.: Да, Институт биологии внутренних вод, Институт биологии внутренних вод, на его базе, в общем, такой оазис в советское время огорожен чуть ли не колючей проволокой, там были в магазине хотя

бы какие-то продукты, вокруг черт знает что было. Ну вот, там тоже так было... Они не ложились спать до шести утра, при этом, конечно, и пили. И всякие эти блестящие идеи... был Шрейдер — такой философ, логикой занимался, методологией.

” Он нам объяснил, что мы с Каганским пошатнули, поколебали логику Аристотеля, что один из основных законов, который Аристотель изложил в логике, который всем казался незыблемым, что с позиций географии они поколеблены. Закон обратного отношения между объемом понятия и его содержанием.

Оказалось, что в этой сфере районирования закон обратного отношения между объемом понятия и его содержанием не действует. Там действует закон прямого отношения. И благодаря работам моим Шрейдер это понял. Сам Шрейдер к концу жизни впал в католическую религию и с тем он и умер католиком в Москве... Так что яркие люди были, много можно сказать о них. И вот, значит, у меня интеллектуальная жизнь...

Ю. С.: Немножко про эту конференцию, где все кипело... Потому что такие редко бывают.

Б. Р.: Да, редко бывают, ну что же, там, кулуарно, ну, не кулуарно — просто...

Ю. С.: Кто организовывал это?

Б. Р.: Я не знаю сейчас, кто организовывал эту конференцию...

Ю. С.: Чебанов, нет?

Б. Р.: Я думаю, что какие-то деятели, может быть, военно-промышленного комплекса, потому что там у них тоже стояла такая задача. Видимо, они какие-то... Конечно, не географы, физики, какие-то, что-то. Я через своего коллегу Володю Каганского, а Каганский — он был с этими учеными просто на семинарах. А потом еще были такие школы по теоретической биологии или как они там, биология и культура, которую вел Чебанов, который сейчас универсальный ученый в Петербурге, сейчас он там собирается 60-летие праздновать. Он и зоолог по образованию, он и медик, он и филолог, он и доктор филологических наук, он и кандидат биологических наук и он... в Европейском университете где-то преподает, и в какой-то философско-религиозной школе, он и в православной, он, в общем, все, что хочешь. Он же один из тех ученых, который понимает все мои работы с полуслова, вот он их понимает. Но тоже не могу понять его многих заскоков, ну долго об этом говорить, короче говоря, были такие семинары. Или, чтобы обобщить, что я говорю — я хочу сказать, чем больше я отдалялся от официальной науки, тем большую роль в моей жизни играли вот эти все семинары. И семинары были разнообразные, вот, и по этой линии мне особенно.

И вот идет 85-й год. Проходит год 85-й... настает... В конце 85-го года у меня появляется вот нынешняя жена Татьяна Викторовна Казарова, и она мне, конечно, разгоняет всех этих девок. Она сказала: «Клопов и девок из квартиры вон!».

Ю. С.: Правильно.

Б. Р.: Девицы, значит, меня покинули, но я расстался с ними мирно, ничего особенного они у меня не украли. А эта Алиса, она вышла замуж за миллионера, ну, не зарубежного, а отечественного, который честным трудом заработал свой миллион...

Ю. С.: Есть такие?

Б. Р.: А именно, он изобрел новый способ печатания на клавиатуре и запатентовал его в четырех странах. Мне это не нужно, потому что я печатаю одним пальцем. Я не знаю, ты когда печатаешь на пишущей машинке, как печатаешь?

Ю. С.: Ну, много пальцев...

Б. Р.: Ну вот, видишь, а я так и не умею, так и не освоил. Я все — одним и быстро-быстро одним, так, что мне эта методика не нужна.

Ю. С.: И что, и он...

Б. Р.: Она уехала с ним в Данию, и там пожила некоторое время и сейчас вернулась в Россию, и дальше ее след теряется. Так что яркие девчонки были, они еще ко мне ходили.

Поступление на работу в 1986 году

Дальше что у меня было? В 86-м году, только я поступил на государственную службу опять, это была Всесоюзная научно-исследовательская лаборатория туризма и экскурсий Центрального совета по туризму и экскурсиям при ВЦСПС.

Ю. С.: Ну, вы не были убиты таким...

Б. Р.: А почему? Она приютила очень многих, туда, в общем, попадали люди даже некоторые солидные, в общем, из географов...

Ю. С.: Там были какие-то интересные... или это какая-то контора...

Б. Р.: Нет, она жуткой не была. Там, например, картографы очень хорошие были, у них была хорошая коллекция карт. Там я со своими идеями о туризме вполне, так сказать, пришелся, вот меня никто не угнетал, мне бухгалтерия оплачивала железнодорожный билет, как всем, на электричках... оплачивала... Значит, что это такое? Это помещалось... Ну, конечно, это, в общем, захудалая организация, но она не теряла связи с геофаком, понимаешь. Вот как-то вот все географы — они одним боком с ней контактировали, они знали, что есть такая лаборатория, они были в соавторах в общих работах. Есть такой под Москвой город Сходня, сейчас уже его присоединили, по-моему, к Химкам.

” Вот Сходня — место, где я в 34-м году жил на даче с родителями, место, где в овраге я обнаружил первый гриб, как сейчас помню, с красной шапочкой... ярко-красной, когда мне было три года.

Вот Сходня, такой еще, как бы, дачный поселок по своему внешнему виду. История очень интересная. В советское время были туристские базы, они были в каждом регионе. Эти базы туристские организовывали отдых с походом, то есть, люди приезжали на туристскую базу, и через два-три дня отправлялись в поход с ночевкой в разных местах в палатках, потом возвращались на турбазу, так они проводили две или три недели. Везде были такие турбазы, было их около восьмидесяти, по числу наших областей и республик. Неужели, ты этого не знаешь?

Ю. С.: Нет.

Б. Р.: Каждый год справочник издавался, все они там значились. Но Московская область была очень уже урбанизирована, однако и в Московской области долго сохранялся туристский маршрут «Сходня — Лисицкий Бор». На Сходне была турбаза, слева от железной дороги, бревенчатое здание типа гостиницы, такое примитивное. И вот там они собирались в походы, они шли пешком сначала вдоль Ленинградского шоссе, они его пересекали, потом шли по хорошей старинной дороге булыжной через какие-то деревни. Это было несколько дней, где-то там они ночевали, заходили в Тараканово и в Шахматово, где жил Блок, еще чего-то. И дальше они шли в Рогачево, пересекали Московское Море и так они доходили до турбазы «Лисицкий бор», которая была около Калинина, ныне Тверь. Потом из-за сильной урбанизации и застройки этот маршрут отменили, и турбазу преобразовали в Лабораторию туризма и экскурсий.

Эта лаборатория туризма и экскурсий ютилась в этом бревенчатом здании.

Ю. С.: Это было министерство культуры? Или министерство спорта?

Б. Р.: Нет, это ВЦСПС. Не министерство, ВЦСПС. А центральный офис ВЦСПС (*ЦСТЭ — Б. Р.*), тогда находился, по-моему, на Бережковской набережной... Но главным, все-таки, подразделением этой лаборатории, по-моему, был гараж. Почему? И шоферы... Потому что потом они получили филиал где-то на другом конце Московской области и надо было без конца туда ездить. Но это потом было, я забегаю вперед. Значит, лаборатория сначала была... Она и сама помещалась чуть ли не в каком-то гараже и частичнов этой избе. И вот туда меня взяли на работу в 86-м году, взяли, потому что уже как-то гудело и ходил слух, что мне надо туда. И директор, который не имел никакого отношения ни к географии, ни ко мне, с чьей-то подачи меня туда очень любезно взял на работу. И вот примерно 1 июля или 1 августа (*16 июля 1986 г. — Б. Р.*), не помню [точно] день, когда впервые в жизни воспользовался зонтиком, купил его, раньше никогда не пользовался... Я, уже будучи, имея нынешнюю жену Таню Казарову, я отправился туда на службу. И там я пребывал с лета 86-го года по 31 декабря 90-го года. Ну что я там делал? Ну, практически, ничего... Значит, я туда ездил по пятницам, мне там делать было абсолютно нечего. Конечно, у меня там вначале было, так называемое, рабочее место...

Ю. С.: Ну, какие-то отчеты надо было...

Б. Р.: Да, какие-то отчеты, но отчеты были такие, что их нужно было обязательно в последний день года, до 31 декабря, потом все — хлоп, никто их больше никогда не читал. Да, я там написал целый ряд статей, были труды, какой-то бюллетень, да, издавался бюллетень, такой тоненький бюллетень имел два отдела: научный и научно-технический. Я в том и другом печатался. Я там говорил о том, что туризм должен быть мобильным сейчас, что сущность туризма — это путешествия. А мне там говорили: «Нет, Борис Борисович, это вы так думаете, потому что вы — географ, это вовсе не так». Географов там было немного, но зато там много было психиатров.

Ю. С.: А что там было человек десять?

Б. Р.: Нет. Там больше, ну, человек пятьдесят, наверное.

Ю. С.: Человек пятьдесят?!

Б. Р.: Да, конечно... ну что ж...

Ю. С.: Ну контора!..

Б. Р.: Вот, интересно, что мы из этой избы деревянной в течение этих шести лет переехали на другую сторону железной дороги, где дали нам помещение школы бывшей. Ну, видимо, школьников стало меньше. Ну, нормальная советская школа, помещение, и мы там занимали ну, по крайней мере, первый этаж, что было на верхних этажах — я не знаю.

Ну, там весело, конечно, было... проводил я время... трепотня какая-то сплошная.

Ю. С.: Ну, там был хоть какой-то народ интересный?

Б. Р.: Да, был такой... ну, вот... психиатры. Значит, так... почему психиатры? А потому что... Да, теперь, я когда стал наносить на карту, где живут наши сотрудники — оказалось, что карта заключает в себе ареал, в общем, вдоль Октябрьской железной дороги. Было много людей, живущих вдоль этой железной дороги, потому что это им удобно. Москвичей чистых было немного меньше, были люди из Зеленограда, у них московская прописка, из самой Сходни, из Химок... ну, устраивались люди на работу. И вот устроился на работу один психиатр и другого тоже за собой потянул. И ясно, что эти психиатры, они здесь держали трудовую книжку, у них, видимо, была частная практика. Значит, и такие люди у нас были, все это —

темное дело, в общем. Был у нас очень хороший картограф, который сейчас работает в Институте наследия. Я думаю, его не уволили, они же такой атлас России сделали великолепный... Ельчанинов.

Командировка в Киргизию

Вроде с командировками у нас было ничего, то есть нуль полный, а потом оказалось, что нет. Нас послали в 90-м году в великолепную командировку в Киргизию. И сейчас мы посмотрим, что это такое... Да, в 90-м году... И даже нам запретили лететь на самолете, а мне это очень хорошо. Четыре дня или три с половиной в поезде. Как когда-то в молодости я ездил в Алма-Ату, так теперь в Бишкек, то есть тогда еще Фрунзе, по-моему... или уже в Бишкек. 90-й год, лето, жара, вот мы и едем. Значит, я, вот картограф Ельчанинов, с ним его дочь Света шестнадцати лет, очень хорошая умная девочка, и еще там одна сотрудница со своей восьмилетней дочерью. И все мы едем в купейном вагоне, очень хорошо три дня едем. Приезжаем в хорошей гостинице селимся, но в гостинице очень жарко, кондиционера нет, ходим там все в одних трусах.

Ю. С.: Воды нет, наверное...

Б. Р.: Нет, вода есть, но... И что дальше? Ну, мои коллеги, у них какие-то дела, а меня куда девать — я ж с начальством не умею разговаривать, бумаги писать я не буду, в учреждение я ни в какое не пойду. Ну вот, меня, значит, отправили гулять с дочерью Ельчанинова Светой и я два раза выезжал с ней за город. И там мы ходили по горам. Но у нас были [и] коллективные прогулки, мы выезжали, естественно... там какие-то есть теперь уже национальные парки прекрасные. Там мы все, в общем, гуляли с фотоаппаратами. Однажды я просто по поручению Ельчанинова с его дочерью отправился в горы и очень хорошо мы там гуляли, мы дошли до пастбища, фотографировали киргизов, пили с ними чай и к вечеру вернулись... Такси мы использовали, автобус. Ну, так прекрасно я провел там время. Теперь я написал по результатам этой поездки, что может Киргизия сделать для организации отдыха и туризма. У меня там было не меньше сорока двух пунктов... У меня есть эта записка. Там все было учтено: и виндсерфинг, и озеро Иссык-Куль с его этими возможностями, и горные лыжи, и маршруты — все это было. Так что все это было неплохо, это все пошло туда, в правительство Киргизии, и у нас же была великолепная поездка, мы объехали все озеро Иссык-Куль. Второй раз я был на озере Иссык-Куль и везде нас хорошо принимали, везде нас кормили.

Ю. С.: А военную базу-то там видели?

Б. Р.: Нет, конечно, нас туда не возили. Вот мы приехали в Рыбачье, это город на западе озера... Не от рыб он получил свое название, говорят, а от русского мужика Рыбачина, сейчас его просто переименовали в Иссык-Куль. Потом поехали по хорошему северному побережью. Ты был там?

Ю. С.: Нет.

Б. Р.: Северное побережье там хорошее, а южное — плохое, а восточное — тоже [хорошее]. Потом, значит, поехали по северному побережью. И вот когда мы уже проезжаем самые лучшие места... Купались там, там была хорошая температура: вода там температура была не такая уж теплая, не горячая, вот, в воздухе было градуса двадцать два — все-таки высокогорье. Хороший там климат, все это вот очень мило. Вот, нас кормили, встречались с местными деятелями, кто-то нам рассказывал про Акаева, будущего президента, подробности какие-то там... Что хорошим или плохим он будет президентом. Значит, так — это был 90-й год.

Не было ни малейших сомнений, что дело идет к независимости и что все эти республики будут самостоятельными государствами. И когда я писал эту записку, я писал уже о Киргизии, как о суверенном государстве.

Я для этого государства писал свои предложения... В 90-м году. Почему-то мы думали, что распад СССР был таким неожиданным, он не был для нас неожиданным... в 90-м году.

Ю. С.: Ну, хорошо... а кто-то из ваших коллег-географов, с кем-то вы общались?

Б. Р.: Конечно, я продолжал с ними общаться...

Ю. С.: Ну вот по поводу...

Б. Р.: Ведь я же в это время подготовил докторскую диссертацию, и я защитил ее, работая в этой лаборатории.

Ю. С.: Да?

Б. Р.: Конечно. Сейчас мы к этому вернемся... И вот, значит, мне... Это яркое путешествие... Мы объехали Иссык-Куль... Я помню по дороге наш шофер взял с собой в машину двух девушек. И мы думали, что это местные учительницы, а оказалось, что это просто проститутки, которых он взял с собой, чтобы ими воспользоваться на ночлеге. Вот когда мы там ночевали в хорошей гостинице, элитной, вернее, не гостинице — гостевой дом для партийных работников... вот у нас там все прекрасно, а шофер, там, с этими проститутками, значит, переночевал. Ну вот, потом какой-то курорт там есть (*Джеты-Огуз*) и когда я туда пришел — ко мне там сразу бросилась медсестра, она приняла меня за одного из больных какой-то болезнью... по моей походке, что ли, в общем, и все такое. Мне было как-то неловко от этого. Да я никогда этим не интересовался. Значит, так...

Докторская диссертация. Экспедиция на Селигер и в Карпаты в 1968 году

Теперь, в 90-м году, как раз, мне-то и удалось защитить докторскую диссертацию. Значит, тем временем докторская диссертация у меня уже готовилась в новом варианте с более длинным названием. И я ее защитил, если не ошибаюсь, в 90-м году. А сейчас...

Ю. С.: А где защищали?

Б. Р.: В Институте географии... Роскольку у меня она была провалена на геофаке, я защитил ее в Институте географии. Сейчас мы... думаю, что мы на этом закончим... Потому что дальше начинается уже другая эпоха, постсоветская. Но сейчас мы к этому вернемся... (*Листает записки*.) Да, в лабораторию туризма меня взяли благодаря Веденину в значительной степени. Он меня туда рекомендовал...

Ю. С.: А вы его откуда знали?

Б. Р.: А как же, я же с ним был еще в некоторых экспедициях, например на озере Селигер. Всего просто не расскажешь. У нас была яркая экспедиция на озере Селигер... Году в 68-м... Они там исследовали стоянки туристов и пришли к такому открытию, которое я тоже развивал, что стоянки туристов, вытопанные ими тропы, они по тому же закону, что формирование сети поселений людей, там городов, населенных пунктов, транспортные сети. Вот именно вот такая вот закономерность. Это меня очень поразило. Я был в этой экспедиции в 68-м году, я туда приехал за свой счет, будучи сотрудником геофака МГУ. Тогда они все были молодыми эти ученые. Там тоже были с нами яркие приключения. Например, я уже побывал в расположении Преображенского, Веденина и других там в лесу, уже направлялся

в Москву, но задержался еще в одном палаточном лагере, где был мой коллега Игорь Зорин, и он мне предложил принять участие в обследовании местной торговли. Мы же все-таки эконом-географы были. А там была такая торговля: там была плавучая баржа, которая возила продукты туристам.

Ю. С.: Ох!

Б. Р.: Да, туристы же сидели в лесу там, изолированно, на берегу. Ну, там много людей на пляже было, и был такой плавучий магазин. И вот мы решили на этом плавучем магазине совершить рейс по озеру Селигер. Я и Игорь Зорин, мы поселились на этой барже. Во главе ее был капитан, он же матрос, пожилой мужчина, и две продавщицы. Ну вот, мы на эту баржу погрузились... моторную баржу, и идем по озеру Селигер. Тут все собираются внизу и начинают откупоривать бутылки с водкой и начинают их пить, кроме меня, я не пью. А я потом говорю, слушай, говорю, а кто же за рулем стоит? Все люди здесь внизу, а Игорь говорит мне, Зорин: «Борис, пей, капитан знает свое дело»...

” Я все-таки вбегаю наверх и тут, хлоп, значит, на что-то баржа налетела... Просто она сбила рыбака с лодкой. Рыбак плавает в воде в своей телогрейке, лодка в щепки разбита. Я кричу...

Да, я говорю: «Капитан, на рыбака наехали!». Капитан в ужасе бежит наверх, и все это происходит рядом со спасательной станцией. Дело в том, что это могло быть где-то далеко, нет, это прямо как на сцене. Ну, короче говоря, забегая вперед, с рыбаком договорились заплатить, что ему капитан заплатит сколько-то там рублей за лодку, все заплатит. А то капитана бы лишили диплома судоводительского. И когда я в 89-м году был зимой в командировке в этом месте, зашел на спасательную станцию, они мне подтвердили: да, они помнят эту историю. После этого рыбаки... мы встретились в открытом озере с рыбаками, они нам стали кидать рыбу живую в каюту. В каюте было четыре койки, где помещался я, Игорь Зорин и две продавщицы, но одна из продавщиц не захотела быть свидетельницей того, что там хочет Игорь Зорин сделать с другой продавщицей, и она, по-моему, переместилась к капитану. А Игорь Зорин, естественно, совершил с продавщицей то, что он всегда делал с девушками. Она потом, бедняжка, пыталась еще его адрес узнать московский. И нам живую рыбу кидали сверху, у меня угорь — это замечательная рыба — у меня в постели шевелился ...

Ю. С.: Какая?

Б. Р.: Уго́рь, уго́рь...

Ю. С.: Уго́рь?

Б. Р.: Да, вот такой, как змея. Я его раза два всего в жизни ел, почти ничего не пробовал. Потом, еще какая-то рыба... Живая рыба смешалась с постелями нашими. Потом я бегал с багром по крыше и чуть не матерился, и мы потом в таком виде опять причалили к нашим коллегам, а они при виде меня были в ужасе, они думали, что я от них уехал, а тут я опять появляюсь. Вот так ярко, а потом, мы в 68-м году, была такая математическая школа, она помещалась в... летняя математическая школа. Видишь, меня тогда еще считали причастным к математическим методам в 68-м году. Сейчас это, конечно, странно. Мы поехали в 68-м году в спортлагерь в Карпаты, по-моему, Львовского университета. Сейчас я тебе скажу, в каком году это было. А, это же был год оккупации Чехословакии... Мы же были свидетелями этого дела...

Ю. С.: Ну-ка...

Б. Р.: Сейчас. Нащупали более интересную тебе политическую тему... хорошо. Всего не припомнишь, так?.. Ну, хорошо... Это же было в августе, кажется, так?

Ю. С.: Да нет-нет, меня как раз интересует из какого сора рождается наука.

Б. Р.: Да, конечно, из сора. А личная жизнь — она как же?.. Вот.

Ю. С.: Ну, из личной жизни наука не...

Б. Р.: Ну, хорошо, хорошо, сейчас все будет... пожалуйста, сейчас все будет... и попойки и сор.

Ю. С.: Сор, сор...

Б. Р.: Спортлагерь, Карпаты. Значит, есть такое место между Ужгородом перевалом — там дворец графов Шёнборн-Буххайм и на их базе — санаторий... Санаторий, конечно, во дворце графа, а спортлагерь в палатках. Все это рядом. Вот мы живем в спортлагере, ну рядовые, так сказать, молодые ученые живут в палатках, а я как корифей в комнате... И со мной еще помещают там поскольку койки же есть — остальных, на остальные эти койки. Там помещают со мной еще одних товарищей, все они сейчас вышли в люди. Один из них мой друг Левинтов Саша, который тогда имел студенческий возраст, сейчас он меня очень поддерживает, ему, по-моему, 75 лет. Потом, Игорь Зорин вообще сейчас ректор международной академии туризма. Ну, это человек надутый, к нему не подойдешь. И еще один Матрусов, который тоже в нашем, по-моему, сейчас в нашем институте работает, с ним у меня никакой связи нету. Ну вот, там они все... мы и ночуем в этой комнате... Рядом находится кабак, который мы прозвали «Рваные паруса». Мы ходим туда пить сухое вино, и я каждый день записываю, сколько я вина выпил с точностью до одной десятой литра. И потом я посчитал в тетради, у меня там было то ли три с чем-то, то ли пять. Вот это я показал своему шефу Саушкину. Саушкин спросил, сколько вина выпили? Я ему показываю эту бумагу, он говорит: «О, как мало». Но мои товарищи пили больше. И вот, значит, как-то вечером... Да, еще с нами были такие там приключения. Вот мы днем — у нас мертвый час, мы днем лежим на кроватях, и делать нам нечего. А крыльцо нашего домика, где мы жили, избрал для своих репетиций ансамбль «Черемоши». Там были девушки под руководством какой-то там преподавательницы, руководительницы.

” Вот эта руководительница — она стоит к нам спиной, а девушки стоят лицом к нам и они видят нас лежащих на кроватях. И тут, значит, наши парни стали проделывать разные непристойные жесты, ноги раздвигать и вообще все. И эти девушки не выдержали, и хоровое пение было сорвано.

Ну, а я же тут живу, старший — я, взрослый один... Получается, что я во всем виноват. И дальше как-то вечером... а там было сказано: отбой, вечером отбой... все должны лежать в своих кроватях. Отбой, ну вот, отбой, значит, всё, и все лежат... Лежат все, и тут комиссия приходит смотреть — все ли легли спать — во главе с начальником лагеря. А моих товарищей нет. Один пошел, Левинтов, к бабе в санаторий, другой там тоже где-то чего-то гуляет. Ну, меня спрашивают. А я, значит, что, я ему сказал: «А кто вы, собственно говоря, такой? И что, тут концлагерь? Что это вообще вы тут? Ко мне-то чего пристали? Я-то здесь причем?» Ну, я его, в общем, послал, не матом, конечно. Ну, и тут такое началось, такое началось, в общем. Начальник требует моего выдворения из лагеря, а я в качестве преподавателя, я читаю тут им лекции о математических методах географии с демонстрацией своих личных чертежей, которые мои... Это 68-й год... Ну, он тут все такой, начинается скандал, скандал. И вот ситуация такая говорит, товарищи... И оказалось, что этот комендант лагеря, как я его называл, начальник — бывший узник Бухенвальда. Ну, он славянин, украинец там, в общем, вышел благополучно, а я ему сказал: что у вас здесь, концлагерь что ли? Вот видишь, какое дело, так что нехорошо, нехорошо получилось. И теперь я должен принести ему публичные извинения, начинается такая церемония. Вечером он ко мне подходит, люди тут, как в театре, по сторонам, в общем, из палаток высовываются, говорят: «Ну, извинись, извинись». Ну, я вяло протягиваю ему свою руку, говорю, что извиняюсь. Он говорит: «Товарищ Родоман, вы большой ученый, но как вы могли мне это сказать? Я, говорит, бывший узник Бухенвальда, я мог бы там остаться, мне предлагали перемещенным лицом на запад». Многие же ушли на запад... закарпатские украинцы, венгры. А я, говорит, я не ушел, и каково мне это слышать от вас. Ну, вот... Ну, чего-то такое — я протягиваю руку, он мне говорит: «Товарищ Родоман, я не вижу в вашем жесте искренности». Ну, боже ты мой, в общем, такая комедия. Ну, кончилось это все всеобщей пьянкой, был банкет там, чего

там только не было, а один мой коллега Саша Левинтов, он со своей девушкой из Ленинграда уединился, естественно... Все пошли на банкет, а он с нею. Ему нужно там кончать в буквальном и переносном смысле слова, а у него не получается, потому что он перепился. А через несколько минут нам надо хватать свои вещи и уже в поезд садиться. И мы бежим в последний момент, поезд там одну минуту стоит, вот бежим в купе... а Саши нет... То ли поезд опоздал все-таки на одну минуту, он в самый последний момент с проклятиями влетел в этот поезд... Но это еще не все. И с нами там было яркое приключение на чехословацкой границе. Мимо нас-то танки шли, это же была оккупация — 68-й год — это, как раз, введение наших войск в Чехословакию.

Ю. С.: Ну, откуда вы об этом узнали?

Б. Р.: Как откуда, мы знали, что танки в Чехословакию идут. Это же... У нас же радио было. Нет, ну как же, это не было секретом. Ну вот мимо нас они шли. Ну, дальше что? А мы еще гуляли по городу Ужгороду, мы знали, что там до границы четыре километра. Ну, мы выпили тоже немного вина, которое там наливали из чайника. Я говорю: «Ребята, давайте пойдём посмотрим, как граница выглядит, ну, будем идти, пока нас остановят, увидим надписи». Ну, мы идем, нас никто не останавливает, вот в чем дело. Идем, идем, дошли до самой границы, а тут уже за нами бегут. «Как же так, — я говорю, — у вас же тут ничего не написано». — «Сами должны знать». Ну, повели в погранзаставу, что-то там выяснять. Но мой друг Левинтов теперь об этом вспоминает с полной фантазией — только что он там не насочинил.

В общем, я тебе скажу, что подобных приключений, подобных поездок было много. И вот к концу 90-го года я наконец-то подготовил свою диссертацию, которая уже теперь называлась более сложно... И более в прикладном смысле. Я защищал ее в институте географии, кажется, в 90-м году. Вот так. Описанием этого процесса мы сегодняшнюю беседу и закончим. Так? Осталось немного.

Ю. С.: А кто оппоненты были?

Б. Р.: Там все написано, кто был оппонентом. Я сейчас уже не помню... (Цитирует книгу «Моя жизнь в географии».) «Тем временем почти все мои противники в ученых советах умерли». И в 1990-м году, это когда я был уже работником лаборатории по туризму и экскурсиям, я, наконец-то, защитил докторскую диссертацию, «когда это уже никого не задевало». В справочнике Краснопольского «Отечественные географы» написано: в пенсионном возрасте защитили диссертацию, стали докторами наук такие, такие, такие... Это был 90-й год, а мне исполнилось 60 лет в 91-м, к тому времени ВАК утвердил мою диссертацию, то есть я стал доктором наук в пенсионном возрасте. Вот так. Значит так, «наконец-то я защитил докторскую диссертацию, когда это уже никого не задевало... Я большую часть жизни вращался вокруг отдела экономической географии [в Институте географии РАН], который некогда возглавлял А. А. Минц. Разнообразные узы связывали меня со многими сотрудниками этого отдела. При мне туда поступали свежие юноши и девушки, на моих глазах они становились солидными или увядали, уходили делать карьеру при правительствах или отправлялись на пенсию, а некоторые уже покинули этот мир. Я приходил в отдел, как в родную семью, но чувствовал себя бедным родственником. Для меня в штате института географии так и не нашлось места». И опять, когда наступал какой-то решительный момент, что не надо ли Родомана принять, опять же лучшие друзья куда-то девались. Стушевывались.

Ю. С.: Да, ну, то ли вы им были... я не знаю...

Б. Р.: Ну не знаю... я же сам себя обобщать никак не хочу...

Ю. С.: Конкурент...

Б. Р.: Да, ну что еще? В заключение скажу, что защита прошла, конечно, триумфально, тут уже все было единогласно, тут уже хлопотали девушки, моя нынешняя жена Таня Казарова тоже участвовала там в этом. Банкет там маленький был, все... Ну, интересно, что вскоре после защиты мою диссертацию украли. Первый экземпляр, который я должен был куда-то отправить, то ли в библиотеку, то ли в ВАК, я сейчас точно не помню, какой экземпляр куда, — его украли. А этот экземпляр я чуть ли не год печатал сам собственноручно своим единственным (*одним*) пальцем на своей пишущей машинке. И что же теперь произошло? Это событие все восприняли как нечто само собой разумеющееся, это абсолютно никого

не удивило, видимо, это было то ли в обычае, то ли чего-то, потому что это был уже второй такой случай. Когда я, работая в Институте генпланов Московской области, составил уникальную карту, вот по интуиции, где размещаются отдыхающие, сколько человек там, по какую сторону. Это было в качестве, по-моему, или дипломной работы какой-то, или тоже с какой-то девушкой связано, мы составляли эту карту всю ночь, они меня для стимулирования всю ночь целовали и просили, чтобы я еще чего-то там. Уникальная карта — она была украдена, куда она делась, никто не знает. И вот тут тоже — диссертация была украдена. Тут быстро собрали деньги мне... У меня дома есть ведомость, кто сколько дал денег, и мы быстро восстановили, но восстановили — уже печатала машинистка, уже все как-то не то... Вот интересный факт. А я долго не являлся за дипломом, поэтому когда я за ним зашел, это было уже после того, как меня не было уже в лаборатории по туризму и экскурсиям. Что же произошло с нашей лабораторией? Ее разогнали. Разогнали ее, потому что параллельно ей выросло другое учреждение...

Ю. С.: При Горбачеве уже?

Б. Р.: Да. Дело в том, что... У нас была Всесоюзная научно-исследовательская лаборатория туризма и экскурсий. Это было собрание научных сотрудников, из которых половина не имела никакого отношения ни к географии, ни к туризму. Но параллельно под руководством Игоря Зорина, одного из тех парней, которые были со мной на Карпатах, он был помощником Квартальнова, тогда еще был Квартальнов ректор, гомосексуалист.

Ю. С.: Ректор чего?

Б. Р.: Да, ректор вот этого учебного уже института туризма...

Ю. С.: Ну, это создали-то недавно?

Б. Р.: Учебного. Дело в том, что у нас параллельно там же на Сходне рос учебный институт туризма, который сейчас стал Международной академией туризма, имеет отделения во всех регионах России... И они нас съели, то есть они забрали наше помещение. И нас уволили по сокращению штатов и... Еще была какая-то денежная реформа. И вот я еще первые два месяца 92-го года... да, 91-го года... первые два месяца 91-го года я еще там получал от них зарплату, потому что я был уволен по сокращению штатов. Я опять оказался безработным в начале 91-го года. Еще не произошла эта революция, она же в августе была, а это начало 91-го года. Время голодное, еды почти никакой. Я помню одну конференцию в [Владимирской] области, так там мы жили при доме отдыха, я домой привозил эти кусочки сливочного масла, хлеб, который нам там давали. Живу я бедно, я холостяк, нет, я не холостяк, я живу с Татьяной Казаровой, которая тогда еще была, по-моему, кандидатом наук, она у меня поселилась в 85-м году... И вот так разогнали нас. Я не знаю, кому досталась коллекция карт, которая там была, и все. Я опять стал безработным. Я был даже настолько наивным, я думал — ну вот как раз 29 мая мне исполняется 60 лет, я ухожу на пенсию, и буду жить на пенсию 120 рублей... Тогда еще 120 рублей было много. Ну, конечно, окружающие меня люди решили, что это не так. И вот мне позвонила некая Оля Чумакова, наша бывшая аспирантка — одна из тех, кого я рассматривал в зеркало, сидя на первом ряду заседания кафедры. В это время она была женой некоего Крищюнаса, литовца, который родился в Абхазии и в Литве никогда не был. И вот она мне сказала, что Крищюнас, его звали, по-моему, я не помню, на букву Ф, как-то... И еще там двое юношей — они организуют совершенно новаторский коллектив, для того, чтобы писать учебники нового типа школьные. Я говорю Оле Чумаковой, что я школу ненавижу. Она говорит: «Вот такой человек нам и нужен». Ну, время такое — революционное. Я вот быстро составляю такой проект, я пишу нового типа учебник, который называется «География Центральной России». Новое здесь было то, что, видимо, в границах, потому что в этих границах никто никогда не писал никаких книг и ни учебников. А это двенадцать районов, которые окружают Москву, регионов, этих областей. И был такой научно-исследовательский коллектив «Школа», ВНИК «Школа». Помещался он в помещении детского сада. Дело в том, что детских садов у нас стало меньше по демографическим причинам. И вот где-то в районе станции метро «Академическая» есть детский сад, и там этот самый молодой коллектив, собрался коллектив ученых молодых, и меня тоже. И такой энтузиазм там, такой энтузиаст Абрамов, энтузиаст педагогических наук, сейчас очень ярко выступает. И сейчас он борется против всего, что происходит,

Абрамов... Меня там почему-то очень тепло принимают, на меня возлагают какие-то надежды. Составляю проект этого учебника, потом этот учебник превратился в учебное пособие, потом потерял этот статус, потом учителя его забраковали. Но все-таки в результате у нас вышло три издания книги «Центральная Россия». Я тебе, кажется, подарил, да? Нет? Ничего не подарил?

Ю. С.: Нет.

Б. Р.: Ага, значит, не тебе я подарил, к тому же и недавно. Ну, хорошо... ты не знаешь этой книги? Совсем?

Ю. С.: Нет.

Б. Р.: Ну, хорошо. Знаешь, Юра, все-таки жизнь настолько велика и полна, что рассказать все просто невозможно.

Ю. С.: Ну, конечно.

Б. Р.: Но это же началось не сразу. Но это, конечно, будет предметом уже нашей следующей... Вот, в соавторстве с Мишей Сигаловым, вот мы выпустили какую книгу.

Ю. С.: Ух ты!

Б. Р.: У букинистов сейчас они 600 — 700 рублей стоят.

Ю. С.: Ух ты!

Б. Р.: А гонорар за них я получил вот в этом году пять тысяч рублей, а в прошлом году тысяча триста.

Ю. С.: Я посмотрю потом... Это вот в лаборатории этой? Вот эти книги?

Б. Р.: Да, в бытность свою там я этим занимался.

Ю. С.: То есть вот в этом коллективе молодом?

Б. Р.: Да, это учреждение, которое сначала называлось ВНИК — Временный научно-исследовательский коллектив, потом оно стало называться МИРОС, под этим названием он просуществовал много лет: Московский институт развития образовательных систем. Этот коллектив быстро рос, и из маленького коллектива ученых-энтузиастов он превратился в большое российское бюрократическое учреждение. Да, где были бухгалтеры, все отделы, где менялись начальники. Я там получал зарплату вплоть до 2007 года.

Ю. С.: Ух ты!

Б. Р.: С 1991 года, когда еще революции этой не было, еще СССР не развалился, до 2007 года я был научным сотрудником этого института, который менял свое название. Я никогда туда практически на работу не ходил, только за зарплатой. Я почти не видел своих начальников. Абрамова, который был начальником, который меня любил и уважал, вскоре сменили совершенно другие люди, его выжили оттуда. С этими людьми я уже не общался, но почему-то меня там держали. И за это время я написал очень много разных работ и сочинений, но они все у меня были не научными, а все более публицистическими. Я думаю, что на этом мы сегодня закончим...

Ю. С.: Да.

Б. Р.: А потом я расскажу о том, как я эволюционировал в околонушной публицистике, благодаря сдвигам, которые произошли в нашей стране и когда возникла кое-какая свобода слова, и как я прожил вот эти вот годы после краха СССР.

Ю. С.: Хорошо. Спасибо. Ну вот, получается, что нам, фактически, осталась, может быть, одна встреча.

Б. Р.: Чего?

Ю. С.: Одна встреча, фактически, еще.

Б. Р.: Нет. А ты думаешь расправиться со следующими двадцатью годами моей жизни за один день удастся?

Ю. С.: Двадцать там?

Б. Р.: У нас остается же двадцать, мне же... мы же дошли до 91-го года... мне — 60 лет.

Ю. С.: Конечно, ну, слава богу.

Б. Р.: А следующий период моей жизни — пенсионный, он все-таки очень насыщенный.

Ю. С.: Очень хорошо

Б. Р.: Литературы было опубликовано колоссальное количество.

Ю. С.: Хорошо. Спасибо, значит...

Б. Р.: Еще встреч будет не одна.

Ю. С.: Хорошо.

Б. Р.: Ничего, что мы вот так продвинулись?

Ю. С.: Продвинулись.

Б. Р.: А то я думал, мы застрянем навеки...

Ю. С.: Да, нет-нет, продвинулись. Ну все.

Б. Р.: Все отключился звук?

Ю. С.: Все. Отключил.